А.Н. Леонтьев

Эволюция, движение, деятельность

Алексей Николаевич Леонтьев

Эволюция, движение, деятельность

Серия «Живая классика»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5973863
Эволюция, движение, деятельность: Смысл; Москва; 2012
ISBN 978-5-89357-314-5

Аннотация

Очередной том работ из научного наследия А.Н. Леонтьева (1903–1979) включает в себя работы 1940-х гг., посвященные двум большим проблемам – возникновению и эволюции психики в животном мире и восстановлению движений руки после военной травмы. Многие включенные в том работы стали библиографической редкостью. Специалистам и студентам в области общей психологии, эволюционной биологии, физиологии человека.

Содержание

Расцвет психологии деятельности в 1940-е гг.: фундаментальная теория и фундаментальная практика 5
Эволюция психики 34
Проблема возникновения ощущения 34
1. Проблема 34
2. Гипотеза 67
Конец ознакомительного фрагмента. 115

А. Н. Леонтьев
Эволюция, движение, деятельность

Издание подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 04-06-00183а «Научное наследие А.Н. Леонтьева и его школы»

Издание осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-06-16068д

© Д.А. Леонтьев, 2012.
© Издательство «Смысл», 2012.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Расцвет психологии деятельности в 1940-е гг.: фундаментальная теория и фундаментальная практика

Вниманию читателей предлагается очередной том научного наследия выдающегося отечественного психолога и организатора психологической науки Алексея Николаевича Леонтьева (1903–1979). Если не считать расширенных переизданий его ключевых работ «Деятельность. Сознание. Личность» (2011) и «Проблемы развития психики» (готовится к печати в ближайшее время), а также стоящего несколько особняком курса лекций по общей психологии, опубликованных по расшифровкам сохранившихся аудиозаписей (2000), эта книга составляет третий том виртуального собрания сочинений А.Н. Леонтьева, следующий за двумя предыдущими: Леонтьев А.Н. Становление психологии деятельности: ранние работы / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М.: Смысл, 2003 и Леонтьев А.Н. Психологические основы развития ребенка и обучения / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2009.

В эту книгу составители включили два больших цикла работ, проводившихся и завершенных А.Н. Леонтьевым в

1940-е гг., хотя первый из них начался раньше. Это цикл исследований, задуманный и начатый А.Н. Леонтьевым еще в период становления Харьковской психологической школы и посвященных одному из самых «проклятых» вопросов психологии – вопросу возникновения и последующего развития психики в эволюции. Когда-то крупнейший немецкий физиолог Э. Дюбуа-Реймон посчитал этот вопрос принципиально неразрешимым. А.Н. Леонтьеву не просто удалось предложить решение данной фундаментальной проблемы и обосновать его мощными теоретическими и эмпирическими разработками – ни в отечественной, ни в мировой психологии мы не найдем других сопоставимых по глубине анализа и уровню обобщения подходов к этой проблеме. Хотя со времени написания Леонтьевым его трудов по данной проблематике прошло несколько десятков лет и сменилось не одно поколение ученых, эволюцию психики сегодня по-прежнему изучают и, возможно, еще долго будут изучать «по Леонтьеву».

Второй цикл исследований, включенных в данную книгу, не менее интересен своей фундаментальностью и одновременно очевидным практическим значением. Речь идет о проводившихся А.Н. Леонтьевым и его коллегами во время Великой Отечественной войны исследованиях по восстановлению движений у раненых бойцов в эвакуационном госпитале под Свердловском, которым А.Н. Леонтьев руководил в течение большей части войны, собрав там целый ряд блестя-

щих специалистов, а впоследствии – в Москве, на базе психофизиологической лаборатории при кафедре психологии МГУ и Центрального института травматологии и ортопедии. Этот второй цикл занял ограниченный период времени, все публикации по нему умещаются между 1944 и 1947 гг.

Остановимся более подробно на том, чем А.Н. Леонтьев занимался в этот период.

* * *

Принесшие А.Н. Леонтьеву широкую известность идеи о путях эволюции психики начали формироваться в харьковский период его деятельности (1933–1936), когда он разрабатывал гипотезу о генезисе чувствительности как способности элементарного ощущения. Она не была тогда опубликована и лишь излагалась в устной форме – в докладах, делавшихся в Харькове и Москве. Первая публикация на эту тему появилась только в 1944 г. Параллельно он занимался проблемой периодизации филогенетического развития психики в животном мире, проблемой соотношения врожденного и приобретенного опыта. А в 1936 г. параллельно в Харькове (совместно с В.И. Асниным; А.Н. Леонтьев бывал в те годы в Харькове только наездами) и в Москве (совместно с Н.Б. Познанской) велось систематическое экспериментальное исследование формирования чувствительности к неадекватному раздражителю – проще говоря, «видения

кожей».

Вот что писали об основном содержании этих исследований их свидетели – А.В. Запорожец и Д.Б. Эльконин (мы приводим довольно обширную цитату, потому что она весьма полно и содержательно оценивает вклад А.Н. Леонтьева в решение рассматриваемой проблемы и кратко излагает самую суть выдвинутой им гипотезы):

«Согласно выдвинутой им [А.Н. Леонтьевым] гипотезе решающим условием возникновения чувствительности является переход от жизни в гомогенной, вещно неоформленной среде к жизни в более сложной, вещно оформленной, состоящей из отдельных предметов среде. Для организмов, погруженных в гомогенную среду – “среду-стихию” и удовлетворяющих за счет содержащихся в ней веществ и энергий все свои жизненные потребности, необходимо и достаточно обладать раздражимостью по отношению к тем ее свойствам, которые имеют непосредственное витальное значение. Когда же организм переходит к жизни в вещно оформленной среде и оказывается отделенным от предмета своей потребности, то для овладения этим предметом ему необходимо ориентироваться на такие его свойства, которые сами по себе витально безразличны, но тесно связаны с другими жизненно значимыми свойствами объектов, т. е. сигнализируют о наличии (или отсутствии) последних. Таким образом, именно благодаря тому, что деятельность животного приобретает предметный характер, в зачаточном виде возникает специ-

фическая для психики форма отражения – отражение предмета, обладающего, с одной стороны, свойствами, витально значимыми, а с другой стороны, свойствами, о них сигнализирующими.

Чувствительность (способность к ощущению) А.Н. Леонтьев определяет соответственно как раздражимость по отношению к такого рода воздействиям, которые соотносятся организмом с другими воздействиями, т. е. которые ориентируют живое существо в предметном содержании его деятельности, выполняя сигнальную функцию.

В целях проверки выдвинутой гипотезы А.Н. Леонтьев предпринимает <…> исследование, в котором с помощью разработанной им методики генетического моделирующего эксперимента воспроизводится в искусственных условиях процесс превращения неощущаемых раздражителей в ощущаемые (процесс возникновения у человека ощущения цвета кожей руки).

Подытоживая результаты своих теоретических и экспериментальных исследований, А.Н. Леонтьев впервые в истории мировой психологии сделал попытку определить объективный критерий элементарной психики, усматривая источники ее происхождения в процессе взаимодействия живого существа с окружающей средой. Анализируя накопленные в зоопсихологии данные и основываясь на собственных исследованиях, Леонтьев разработал новую периодизацию психического развития животных как развития психическо-

го отражения действительности, обусловленного изменениями условий существования и характера деятельности животных на разных стадиях филогенеза: стадии сенсорной, перцептивной и интеллектуальной психики»[1].

Но все это было только одной, и, возможно, не самой главной частью гигантского проекта, предпринятого А.Н. Леонтьевым во второй половине 30-х гг.

«…В общей проблеме психического развития, – писал он в своей книге 1947 г., – мы прежде всего выделяем два следующих взаимосвязанных вопроса: *вопрос о генезисе психики и вопрос о развитии психики животных*.

Третий вопрос, входящий в проблему психического развития, – это *вопрос о генезисе сознания человека* … Вопрос о генезисе человеческого сознания – это, вместе с тем, вопрос о его природе…

Проблема обусловленности развития человеческой психики ходом общественно-исторического процесса … составляет четвертый вопрос, входящий в общую проблему психического развития.

Наконец, пятый и последний вопрос, входящий в проблему развития психики – *это вопрос о психическом развитии ребенка*…»[2].

---

[1] *Запорожец А.В., Эльконин Д.Б.* Вклад ранних исследований А.Н. Леонтьева в развитие теории деятельности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1979. № 4. С. 21–22.

[2] *Леонтьев А.Н.* Очерк развития психики. М.: Военный педагогический институт Советской армии. Кафедра общей и военной психологии, 1947. С. 6.

В начале и середине 30-х гг. разработка проблем развития психики виделась Леонтьеву – в соответствии с его исследовательским проектом – как огромное многотомное исследование. В его архиве сохранился план такого исследования (он, судя по всему, относится уже к концу 1940 г.). Вот он:

А.Н. Леонтьев

Развитие психики. Очерк теории. (План)

Содержание I тома

Гл. I. Введение.

Гл. II. Проблема генезиса психики.

[100 %] *Гл. III.* Экспериментальное исследование чувствительности.

Гл. IV. Проблема исследования психики животных.

Гл. V. Очерк развития психики в животном мире.

[Выполнено 1.X.40 (600 стр.)]

Содержание II тома

[100 %] *Гл. I.* Психологическая проблема сознания (200 стр. 1942).

Гл. II. Генезис сознания человека (100 стр. 1943–1945).

[50 %] *Гл. III.* Основные этапы исторического развития сознания (100 стр. 1943–1945).

[25 %] *Гл. IV.* Экспериментальный анализ сознания (100 стр. 1946).

[500 стр.]

[Срок – весна 1946 года]

Содержание III тома

[80 %] *Гл. I.* Общая теория онтогенетического развития психики (50 стр.).

[80 %] *Гл. II.* Очерк развития психики ребенка (250 стр.).

[25 %] *Гл. III.* Жизнь и психика человека (100 стр.).

[80 %] *Гл. IV.* Теория функционального развития психики (80 стр.).

[25 %] *Гл. V.* Экспериментальные исследования функционального развития (итоги и результаты) (100 стр.).

Гл. VI. Заключение (50 стр.).

[Срок – 1948 (!) год. (К 49!)]

(600 стр.)

(М.б. III том – в III_1 и III_2? с расширением до 900—1000 стр. + предметный ук., лит., ук. имен и глоссарий.)[3]

Обратим внимание на процент готовности разделов. Первый том в двух частях готов полностью. Полностью готова глава «Психологическая проблема сознания», практически готовы (на 80 %) главы «Общая теория онтогенетического развития ребенка», «Очерк развития психики ребенка» (250 страниц!) и «Теория функционального развития психики».

Первоначально А.Н. Леонтьев планировал представить в качестве докторской диссертации все три тома. Но когда первый том был закончен, Леонтьев, по его воспоминаниям,

---

[3] *Леонтьев А.А.* Творческий путь Алексея Николаевича Леонтьева // А.Н. Леонтьев и современная психология / под ред. А.В. Запорожца и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 17–18.

показал его Б.М. Теплову, и тот сказал: «Зачем вам создавать себе лишние трудности – защищайте первый том, его вполне достаточно». А.Н. Леонтьев так и поступил, защитив работу в ЛГПИ им. А.И. Герцена в мае 1941 г.: официальными оппонентами были Л.А. Орбели, С.Л. Рубинштейн и Б.М. Теплов.

Однако ни одной страницы диссертации не было опубликовано до 1944 г. Более того, хотя и сохранились многочисленные рукописи 30-х гг., но почти все это – записи для себя типа конспектов или стенограммы лекций (они были опубликованы в психологических журналах и книге «Философия психологии»)[4]. Аналогичные по теме публикации более позднего времени, включенные А.Н. Леонтьевым в «Проблемы развития психики» или оставшиеся непереизданными, были явно написаны заново, в лучшем случае – по разрозненным записям и другим материалам, сохранившимся в личном архиве А.Н. Леонтьева.

Причиной этого послужило драматическое происшествие. Когда в начале декабря 1941 г. Леонтьев с семьей эвакуировался вместе с другими сотрудниками МГУ в Ашха-

---

[4] Ранние работы А.Н. Леонтьева о психологии деятельности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1983. № 2. С. 5—20; Из архива А.Н. Леонтьева // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1988. № 3. С. 6—25; *Леонтьев А.Н.* Генез человеческой речи и мышления // Психологический журнал. 1988. № 4. С. 139–149; *Леонтьев А.Н.* Учение о среде в педологических работах Л.С. Выготского // Вопросы психологии. 1998. № 1. С. 108–124; *Леонтьев А.Н.* Философия психологии. Из научного наследия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994 и др.

бад, а затем в Свердловск, текст диссертации, а также все уже написанные тексты и подготовительные материалы для последующих томов «Развития психики» были тщательно упакованы в деревянный ящик и были отданы на хранение на склад, где лежало лабораторное оборудование университета. Однажды (это произошло в середине 1942 г.) склад был взломан – воры соблазнились, вероятно, не оборудованием, они думали, что на складе хранятся ценности. Случайно одним из первых им попался ящик с архивом Леонтьева. Вскрыв его и не найдя ничего, кроме бумаг, они разочарованно выбросили содержимое ящика на ближайшую свалку. Один из авторов этого предисловия, А.А. Леонтьев, сын А.Н. Леонтьева, которому тогда шел седьмой год, помнил, как вся семья во главе с А.Н. много часов буквально по отдельной бумажке собирала сохранившиеся фрагменты архива, заваленные острой металлической стружкой (в которой невозможно было рыться без толстых перчаток) и другими промышленными отходами Уралмаша… Нашлась, конечно, лишь малая его часть.

Так погиб весь труд А.Н. Леонтьева, кроме первого тома (т. е. текста диссертации). Восстановить его полностью было, конечно, уже невозможно. Все, что в состоянии был сделать А.Н. Леонтьев, – это конспективно восстановить, частично по памяти, частично по разрозненным сохранившимся материалам, хотя бы основное содержание второго и третьего томов. Эта книга под названием «Очерк развития пси-

хики» была написана им в конце 1946 – начале 1947 г. В комментариях к ее исправленному переизданию в книге «Проблемы развития психики» (автором которых считается А.В. Запорожец, но реально они были написаны или продиктованы самим Алексеем Николаевичем), говорится, в частности, «…в “Очерке” схематически воспроизведены только общие положения, разработанные в ходе подготовки этой монографии («Развитие психики». – *А.Л., Д.Л., Е.С.*). Некоторые из них, как, например, положение о структуре деятельности, о значении и личностном смысле отражаемой реальности, о роли мотивов деятельности субъекта, освещены в другом контексте в статьях: “О некоторых психологических вопросах сознательности учения”, “Психологические вопросы сознательности учения”, “Проблемы детской и педагогической психологии”, а также в статьях о развитии психики ребенка, публикуемых в данном издании»[5].

«Очерк развития психики» был выпущен небольшим тиражом под грифом кафедры общей и военной психологии Военного педагогического института Советской армии, с которой А.Н. активно сотрудничал в 1946–1947 гг. (Институт размещался в ближнем Подмосковье, в Хлебниково.)

Первая глава «Очерка» называлась «Проблема развития в психологии». Ее генеральная идея состоит в следующем: «психика не существует вне материального процесса жиз-

---

[5] *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. 3-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. С. 551.

ни определенным образом физически организованных существ. Поэтому мы изучаем развитие психики не в ее отделенности от развития жизни, но именно в связи с развитием жизни – как развитие высших ее форм, порождаемое развитием определенных материальных условий»[6]. Главы вторая «Возникновение психики» и третья «Развитие психики животных» основаны на сохранившемся тексте диссертации. Две последние главы («Возникновение сознания человека» и «К вопросу об историческом развитии сознания») были написаны заново, в основном по памяти.

Книга вызвала широкий отклик в среде психологов, так как явилась первой монографической публикацией, обобщавшей идеи «деятельностной» психологии. Однако внимание к ней было не всегда благожелательным. В октябре 1948 г. в Институте психологии состоялась дискуссия по «Очерку», частично организованная партбюро института. Ей предшествовала уничтожающая рецензия ответственного сотрудника Академии общественных наук при ЦК ВКП(б) Маслиной в № 2 «Вопросов философии» за 1948 г.

Подобные «дискуссии» в ту пору обычно принимали вид санкционированной сверху травли, в результате которой одна из «дискутирующих» сторон снималась с работы, исключалась из партии, ссылалась, а то и стиралась в лагерную пыль или даже расстреливалась. А.Н. Леонтьеву, однако, повезло. В «дискуссии», согласно плану, выступили многие ны-

---

[6] *Леонтьев А.Н.* Очерк развития психики. С. 8.

не известные психологи, обвиняя автора книги в идеализме, формализме (это было тогда едва ли не более страшное обвинение!) и даже в отходе от ленинской теории отражения, поскольку А.Н. Леонтьев отрицал факт непосредственного отражения мира мозгом, вставляя между ними, как говорилось некоторыми участниками той дискуссии, «третье звено», т. е. деятельность субъекта. Но соратники А.Н., да и вообще многие порядочные люди, встали на его защиту, и дискуссия последствий для него не имела.

Когда у него появилась возможность собрать свои статьи первых послевоенных лет в единый сборник (а это случилось в конце 50-х гг.), он не мог не вспомнить свой проект 1940 г., пусть проект этот не мог быть осуществлен в полной мере. Думается, не случайно композиция «Проблем развития психики» соответствует структуре первоначального проекта… В 1963 г. эта книга была удостоена Ленинской премии.

* * *

Третий текст, относящийся к указанному циклу, представлен четырьмя фрагментами диссертации А.Н., по тем или иным причинам не включенными им в «Очерк….». Хотя основное содержание всех четырех фрагментов касается различных аспектов психики и поведения животных и развития психики в животном мире, значение этих фрагментов отнюдь не ограничивается зоопсихологической проблемати-

кой. В каждом из них содержится методологический анализ тех или иных ключевых общепсихологических проблем.

В первом фрагменте это, прежде всего, проблема врожденного и приобретенного, видового и индивидуального опыта. Основные идеи, обосновываемые в этом фрагменте, – это идея пластичности, изменчивости инстинктивных форм поведения и идея о невозможности противопоставить видовое и индивидуально приобретаемое поведение. Уже в своей диссертации, опираясь на идеи ряда зарубежных единомышленников, А.Н. Леонтьев приходит к тезису, который с 1950-г гг. стал общепринятым в изучении поведения животных, не говоря уже о человеке – что понятие инстинкта не может выступать удовлетворительным объяснением наблюдаемых и экспериментально установленных закономерностей этого поведения.

Во втором фрагменте затрагивается особенно много проблем методологического уровня. В нем Леонтьев вводит принцип деятельности как ключевой объяснительный принцип зоопсихологии, разводит понятия «деятельность» и «поведение», сохранив за последним статус лишь описательного понятия, и, наконец, вводит понятие смысла в двух его разновидностях: инстинктивный смысл (позднее переименованный в биологический) и сознательный смысл (позднее переименованный в личностный). Смысл определяется как «то отношение объективных воздействующих свойств, которому подчиняется деятельность субъекта». «Смысловые свя-

зи – это те связи, которые не осуществляют деятельность, а осуществляются ею».

Третий и четвертый фрагменты в определенной степени соответствуют ранее неоднократно публиковавшемуся очерку развития психики в животном мире – соответствуют по основным идеям, но отнюдь, за редким исключением, не текстуально. Помимо известной концепции трех стадий развития психики животных (элементарная сенсорная психика, перцептивная психика и интеллект) мы находим в них оригинальные рассуждения о нелинейном характере эволюции, интереснейший экскурс в проблему чувствительности растений, обсуждение закрепления навыков и выделения операций у животных, а также проблемы игры животных, подробный анализ отличий человеческих орудий от квазиорудий животных, соображения о психологии домашних животных… Немногие современные докторские диссертации могут претендовать на такую широту и глубину охвата и без того предельно общей проблемы! И это не случайно. Все годы главным для Алексея Николаевича было построение *философии психологии,* ее методологического каркаса, который давал возможность на первый взгляд легко и как бы мимоходом давать ответы на сложнейшие вопросы.

Одним из таких вопросов была проблема сущности психического и его места во всеобщей взаимосвязи явлений мира. Вопреки официальным «марксистам» того времени, определявшим психику как функцию мозга, А.Н. Леонтьев

и его школа приходят к пониманию психики как функции деятельности субъекта (именно такая позиция, как мы видели выше, вызвала ожесточенную критику). Подобное понимание психического противостояло широко распространенным в психологии, в том числе в отечественной, дуалистическим схемам.

С самого начала разработки теории деятельности (в докладе весной 1934 г.) А.Н. Леонтьев отчетливо заявляет о противостоянии позиции своей школы дуализму: «Великое и подлинно трагическое для психологии заблуждение картезианства состояло именно в том, что реальная конкретно-историческая противоположность внутренних, духовных процессов и внешних материальных процессов жизни, – противоположность, порожденная общественным разделением труда, – была абсолютизирована. Создалась грандиозная мистификация сознания. Наша задача состоит в том, чтобы прежде всего разрушить эту мистификацию в психологии»[7]. В этом отношении он развивает идеи Л.С. Выготского, выражавшего озабоченность по поводу того, «с какой точностью и с каким совпадением даже в деталях восстанавливается в новой исторической обстановке, в новом научном выражении во всей полноте логическая структура картезианского учения о страстях души, в которой спиритуалистический принцип уравновешивается механистическим»[8].

---

[7] *Леонтьев А.Н.* Философия психологии. М., 1994. С. 44.

[8] *Выготский Л.С.* Учение об эмоциях: Историко-психологическое исследова-

Выражением дуализма картезианской схемы является для А.Н. Леонтьева прежде всего постулат непосредственности, об истории возникновения которого в психологии и попытках его преодоления можно было бы написать целую книгу. Поэтому ограничимся здесь беглыми замечаниями. Как известно, для так называемой классической психологии сознания (которая базировалась на декартовско-локковской системе идей) была характерна дихотомия «внешнего» (предметов и процессов внешнего мира) и «внутреннего» (явлений и процессов сознания). Они не имели между собой ничего общего (поскольку, согласно Р. Декарту, представляли собой формы существования и проявления двух принципиально разных субстанций) и тем не менее были связаны друг с другом странной механической связью: как только происходит воздействие на рецепторные аппараты субъекта, так тут же возникает «ответ» на данное раздражение в виде субъективных явлений. Постулат непосредственности был характерен и для бихевиоризма при существенном изменении в нем предмета психологии.

Таким образом, единый мир человека был расчленен на две абстрактные «половинки» – замкнутый в себе («внутреннее наблюдаемый») мир субъективных явлений и мир «обездушенных» («внешне наблюдаемых») объективных феноменов поведения и физиологических процессов. По мнению ученика А.Н. Леонтьева А.Г. Асмолова, именно в

ние // Л.С. Выготский. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Педагогика, 1984. С. 314.

таком рассечении единого поля человеческой природы на два противоположных полюса – «субъективизм» и «объективизм» – и коренится исток парадоксов и противопоставлений в психологии[9], например, абстрактного изучения и даже противопоставления «когнитивных» и «поведенческих» форм «конкретного бытия» человека, противопоставления идиографического и номотетического подходов, биологического и социального, индивидуального и коллективного в психологии человека и пр. Естественно, что после подобного абстрактного деления целого на две принципиально разные «половинки» не остается ничего другого, как ограничиться изучением одной из них (в логике «или – или») или соединять противоположности по принципу «и – и».

А.Г. Асмолов квалифицировал подобную систему взглядов как аналог «птолемеевской» системы в космогонии и говорил о «коперниканском» перевороте, который совершила культурно-деятельностная психология[10]. Характеризующая «птолемеевскую систему» двучленная система анализа была заменена в этой последней иной схемой, где постулат непосредственности, предполагающий дихотомию субъективного и объективного, был устранен путем введения понятия де-

---

[9] См.: *Асмолов А.Г.* Психология личности. Культурно-историческое понимание развития человека. М.: Смысл, 2007. С. 69.

[10] Этот термин, уже прижившийся в нашей литературе и возникший не без влияния зарубежных коллег, создавших в 2002 г. общество ISCAR (International Society for Cultural and Activity Research), удачно подчеркивает единство методологических принципов исследований Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева.

ятельности. В деятельности осуществляется двуединый процесс интериоризации (превращение внешнего во внутреннее) и экстериоризации (превращение внутреннего во внешнее). При этом коперниканском повороте в понимании психического последнее рассматривается не просто в «единстве» с деятельностью, как это было в сформулированном С.Л. Рубинштейном принципе «единства сознания и деятельности». Имеет место, собственно говоря, не «единство», а диалектическое тождество деятельности и психики: деятельность составляет субстанцию психики, тогда как психика есть функция, даже, еще точнее, «функциональный орган» (в понимании А.А. Ухтомского) деятельности.

Наиболее точно сущность психики как особой функции деятельности представлена в высказываниях А.Н. Леонтьева в его книге «Деятельность. Сознание. Личность», где одновременно решается и проблема определения предмета психологии: «Деятельность входит в предмет психологии, но не особой своей “частью” или “элементом”, а своей особой функцией. Это функция полагания субъекта в предметной действительности и ее преобразования в форму субъективности»[11]. Или еще более остро: «Деятельность человека и составляет субстанцию его сознания»[12]. Это было «ахинейное» (по выражению В.М. Аллахвердова[13]) понимание

---

[11] *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, 2005. С. 73.

[12] Там же. С. 121.

[13] *Аллахвердов В.М.* Размышление о науке психологии с восклицательным

психики, которое явно не вписывалось в вульгаризированное представление о ней как «функции мозга», «субъективного образа объективного мира», «объективно-правильного отражения» и пр. «Субстанцией» сознания (можно добавить – и психики в целом) является, согласно А.Н. Леонтьеву, деятельность как субъектно-объектная реальность, поэтому психику и сознание нельзя считать функцией мозга как такового. Нельзя загонять сознание «под черепную крышку», утверждал А.Н. Леонтьев в известной домашней дискуссии 1969 г., поскольку это значит «загнать его в гроб. Там выхода нет, из-под этой черепной крышки. <…> Сознание <…> находится столько же под крышкой, сколько и во внешнем мире. Это одухотворенный мир, одухотворенный человеческой деятельностью»[14]. Приведем также перекликающееся с этими идеями блистательное высказывание Л.М. Веккера, которое одному из авторов (Д.Л.) довелось услышать от него в профессиональной компании: «Утверждать, что человек думает головным мозгом, – все равно что утверждать, что он ходит спинным мозгом».

Таким образом, психика – особая функция или «функциональный орган» деятельности, специфика которого заключается в решаемых им задачах: построение образа (модели) мира субъектом на основе различных форм ориентировки в нем и регуляция в соответствии с этим образом деятельно-

---

знаком. СПб.: б.и., 2009. С. 51.

[14] *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. С. 308.

сти субъекта в ***его*** мире. Следовательно, психика с самого начала выносится за пределы реальности, определяемой внутренним (как бы это «внутреннее» ни понималось – как мозг, душа или замкнутое в себе субъективное), с одной стороны, и внешним (стимулами, средой и пр.), с другой. Психическое, таким образом, не есть нечто объективное или субъективное – это субъектно-объектная реальность, при этом доступное для научного и тем самым объективного (в современном его понимании) изучения.

Подобное понимание психики складывается у А.Н. Леонтьева и его соратников уже в 1930-е годы в Харьковской школе и получает неожиданное практическое подтверждение в военное время, когда проводились исследования, составившие второй цикл публикуемых в настоящей книге работ.

* * *

Из официальной автобиографии А.Н.Леонтьева: «В годы 1942–1944 я переключился на работу, которая была подсказана требованиями войны: организовал опытный восстановительный госпиталь под Свердловском». Официальное название упомянутого госпиталя – Восстановительная клиника НИИ психологии МГУ на базе госпиталя № 4008. Она была создана 6 сентября 1942 г.[15] и А.Н. Леонтьев, назна-

[15] Московский университет. 2004. № 19 (4080). Май. С. 3.

ченный ее директором, по заданию Государственного Комитета Обороны развернул исследовательскую работу по психофизиологическим и психологическим проблемам восстановления функций после ранения. «Ее итоги были опубликованы в ряде статей и в монографии “Восстановление движений” (точное название: “Восстановление движения. Исследование восстановления функций руки после ранения”. – *А.Л., Д.Л., Е.С.*), написанной совместно с А.В. Запорожцем (М.: Советская книга, 1945)»[16]. Главы, написанные Запорожцем, воспроизведены во втором томе двухтомника его «Избранных психологических трудов»: главы же, написанные Леонтьевым, никогда не перепечатывались, как и книга в целом. Мы воспроизводим ее здесь полностью, как и две тематически близких к ней статьи, опубликованных в 1945–1947 гг.

А.Н. Леонтьев относился к восстановительному госпиталю как к своему любимому детищу. В неотосланном письме С.Л. Рубинштейну от 10 апреля 1943 г. Леонтьев пишет об этом госпитале: «Дни его жизни оказались плодотворны как годы. Я не умею говорить о нем без пафоса, за него я буду стоять “насмерть” – hier stehe ich*, как говорил Лютер!»

Госпиталь находился в поселке Коуровка, на высоком берегу реки Чусовая. Вместе с Леонтьевым и Запорожцем там работали П.Я. Гальперин, С.Я. Рубинштейн, Т.О. Гиневская,

---

[16] Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии (школа А.Н. Леонтьева). М.: Смысл, 1999. С. 367.* На том стою (*нем.*).

Я.З. Неверович, А.Г. Комм, В.С. Мерлин и др. Работа продолжалась и после возвращения Леонтьева в Москву – на кафедре психологии МГУ совместно с Центральным институтом травматологии и ортопедии Наркомздрава СССР (ЦИТО), возглавлявшимся Н.Н. Приоровым.

Суть ее хорошо изложил позже Запорожец: «Определяя генеральное направление и исходные теоретические позиции предпринимаемых исследований, А.Н. Леонтьев основывался на учении Л.С. Выготского о системном характере психофизиологических функций и на концепции Н.А. Бернштейна о построении движения… Системное понимание дефекта требовало и системного подхода к его реабилитации – как к сложному процессу последовательной компенсации и восстановления афферентационных механизмов движений больного, связанному с перестройкой его установок и мотивов поведения. Как показали исследования, такого рода системные изменения и перестройки наиболее адекватно осуществляются в процессе специально организованной осмысленной предметной деятельности больного (а не в условиях популярной в то время “механотерапии”), и восстановительный эффект в значительной мере зависит от мотивов, задач и способов этой деятельности. На основе полученных данных были разработаны новые эффективные методы трудотерапии и лечебной физкультуры, которые широко использовались в медицинской практике эвакогоспиталей и сыграли большую роль в восстановлении боеспособности и трудо-

способности раненых бойцов»[17]. В частности, время возвращения бойцов в строй сокращалось в несколько раз (!). Имя Бернштейна возникает здесь не случайно; его «физиология активности» была основным физиологическим базисом теории деятельности Леонтьева, а сам Бернштейн, который в 1950 г. как «космополит» и «антипавловец» был совершенно отлучен от науки, был принят на кафедру психологии и «пересидел» там самые тяжелые три года (тогда кафедрой заведовал Б.М. Теплов, а Леонтьев был ее ведущим преподавателем, но без него зачисление Бернштейна на кафедру едва ли состоялось бы). Интересно, что в этой книге Леонтьев и Запорожец в равной мере отдают должное идеям как Н.А. Бернштейна, так и его постоянного оппонента и конкурента П.К. Анохина[18].

Публикуемые в настоящей книге работы, посвященные вышеуказанным проблемам, – прекрасное доказательство известного высказывания Л. Больцмана: «нет ничего практичнее хорошей теории». Разработанная ранее А.Н. Леонтьевым и его школой диалектика составляющих деятельности получает еще одно эмпирическое подтверждение на материале, как любил говорить Л.С. Выготский, «высокоорга-

---

[17] *Запорожец А.В., Эльконин Д.Б.* Вклад ранних исследований А.Н. Леонтьева в развитие теории деятельности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1979. № 4. С. 23–24.

[18] О развитии идей П.К. Анохина и Н.А. Бернштейна и их методологической созвучности см.: *Леонтьев Д.А.* Самоорганизация живых систем и физиология поведения // Мир психологии. 2011. № 2 (66). С. 16–27.

низованной практики». Так, к примеру, диалектика мотива и поставленной в ходе трудотерапии задачи (цели в определенных условиях) того или иного действия проявлялась в процессе восстановления движений в следующем. Психологически (да и физиологически) движения раненой руки, например, в ходе выполнения столярных работ, были совершенно различными в зависимости от того, стремился ли раненый пощадить больную руку, или он хотел овладеть профессией столяра, или стремился подчеркнуть перед врачом свой физический дефект, т. е. вроде бы прямо определялись мотивом больного. Однако при постановке перед больным соответствующей предметной задачи можно было изменить исходный мотив раненого: «Так, например, установка больного на дефект извращает движение и снижает его объем в условиях задач с предметной целью, но осуществление действия в данных объективных условиях вместе с тем может иногда оказать сбивающее влияние на эту установку и коренным образом изменить мотивацию деятельности, а значит и ее смысл для больного. Поэтому совершенно, конечно, небезразлично, в каких условиях протекают действия больного, насколько способны они определить его установки. В этом – принципиальное различие, например, между условиями трудоподобных действий и действий трудовых, между условиями такого производства, как, например, изготовление бумажных рамок, и условиями производства общественно-актуального продукта; следовательно, ни в коем случае

нельзя рассматривать их только как различия чисто технические»[19]. Таким образом, делают вывод авторы книги «Восстановление движения», «восстановительное обучение, как и всякое обучение вообще, реально происходит в единстве с воспитанием»[20].

Медики оценили практический эффект данных исследований еще в то время. Обратим внимание на предпосланное тексту книги введение, написанное генерал-полковником медицинской службы Е.И. Смирновым. Там, в частности, говорится: «…Совершенно правы авторы настоящей монографии, подчеркивая в своей работе, что для того, чтобы восстановить функцию конечности раненого, необходимо восстановить его способность к деятельности: функция органа движения является абстракцией, искусственно вычленяемой из трудовой деятельности человека. …“Резонанс” периферической травмы в личности человека находит свое объяснение и должен быть обязательно учтен теми, кто хочет по-научному подойти к разрешению задач, которые возникают в клинике восстановительной терапии.

Познакомившиеся с работой А.Н. Леонтьева и А.В. Запорожца не смогут фиксировать внимание только на пораженном органе или нарушенной функции, игнорируя психологический фактор и отражение в сознании пострадавшего при-

---

[19] *Леонтьев А.Н., Запорожец А.В.* Восстановление движения. М., 1945. С. 27–28.

[20] Там же. С. 224.

чиненного ему увечья. Их внимание должно будет сосредоточиться на больном человеке и восстановлении утраченной им трудоспособности»[21].

Принцип «лечить не рану, а раненого», определяющая роль общей установки личности раненого по отношению к его ранению, главенствующая роль психических процессов по отношению к физиологическим и анатомическим, в особенности высших предметных координаций, системный характер любых локальных поражений и системный же характер их компенсации – все эти убедительно проверенные практикой положения выводят исследования по восстановлению движения далеко за рамки частной проблематики. Наиболее выпукло смысл этих работ обозначен в двух опубликованных чуть позже обобщающих статьях, одна из которых была написана в соавторстве с А.Р. Лурией. (Третья статья, в соавторстве с Т.О. Гиневской[22], большей частью текстуально совпадает с одной из глав книги «Восстановление движения», поэтому мы не стали включать ее в данное издание.) В них по-новому высвечивается любимое положение А.Н. Леонтьева о том, что определяющим в формировании любых психических процессов жизни является, в частности, включенность процессов и функций в смысловые системы.

---

[21] Там же. С. 3–4.

[22] *Леонтьев А.Н., Гиневская Т.О.* Гностическая чувствительность пораженной руки // Вопросы восстановления психофизиологических функций // Ученые записки МГУ. Вып. 111. Психология. Т. II. М.: Издание МГУ, 1947. С. 96—103.

«Человеческое движение выступает, думается нам, в своем настоящем свете не как принадлежащее только “чисто физической” сфере человека, над которой механически выстраивается его психика, но как осуществляющее процесс единой, высшей по своей форме человеческой жизни – жизни, опосредованной психикой, сознанием». Общее для двух циклов исследований, представленных в настоящем томе, и состоит в использовании для анализа как фундаментальной проблемы генезиса и эволюции психического, так и прикладной проблемы восстановления функций пораженных конечностей одной основополагающей теоретической конструкции. В центре этой конструкции находится идея жизни, или, что то же самое, деятельности, как того фундаментального смыслового контекста, в котором находят объяснение процессы более низких, элементарных уровней, и который оказывает решающее влияние на их протекание.

* * *

Настоящий том, таким образом, представляет А.Н. Леонтьева как полностью сложившегося ученого. Не отказываясь от наследия своего учителя Л.С. Выготского, он выводит из него идею деятельности как объяснительного принципа, оформляет ее теоретически, показывает как вытекающие из деятельностных представлений возможности принципиально нового подхода к таким глобальным теоретическим про-

блемам, как проблема эволюции психики, так и практический потенциал «деятельностной» психологии в таких сугубо прикладных контекстах, как заживление раненых конечностей. Это период, когда он от масштабных научных замыслов начинает переходить к решению научно-организационных задач, реализуя свои не только интеллектуальные, но и лидерские способности.

Составители благодарны Д. Галанину, оказавшему существенную помощь в подготовке текстов для настоящего издания.

А.А. Леонтьев, Д.А. Леонтьев, Е.Е. Соколова

Эволюция психики

Проблема возникновения ощущения

1. Проблема

1

Проблема возникновения, т. е. собственно *генезиса,* психики и проблема ее развития теснейшим образом связаны между собой. Поэтому то, как теоретически решается вопрос о возникновении психики, непосредственно характеризует общий подход к процессу психического развития.

Как известно, существует целый ряд попыток принципиального решения проблемы возникновения психики. Прежде всего это то решение вопроса, которое одним словом можно было бы обозначить как решение в духе «антропопсихизма» и которое связано в истории философской мысли с именем Декарта. Сущность этого решения заключается в том, что возникновение психики связывается с появлением человека: психика существует только у человека.

Тем самым вся предыстория человеческой психики оказывается вычеркнутой вовсе. Нельзя думать, что эта точка зрения в настоящее время уже не встречается, что она не нашла своего отражения в конкретных науках. Некоторые исследователи до сих пор стоят, как известно, именно на этой точке зрения, т. е. считают, что психика в собственном смысле является свойством, присущим только человеку.

Другое, противоположное этому, решение дается учением о «панпсихизме», т. е. о всеобщей одухотворенности природы. Такие взгляды проповедовались некоторыми французскими материалистами, например Робине. Из числа известных в психологии имен можно назвать Фехнера, который тоже стоял на этой точке зрения.

Между обоими этими крайними взглядами, с одной стороны, допускающими существование психики только у человека, с другой – признающими психику свойством всякой вообще материи, существуют и взгляды промежуточные. Они пользуются наибольшим распространением. В первую очередь это тот взгляд, который можно было бы обозначить термином «биопсихизм». Сущность «биопсихизма» заключается в том, что психика признается свойством не всякой вообще материи, но свойством только живой материи. Таковы взгляды Гоббса и многих естествоиспытателей (К. Бернара, Геккеля и др.). В числе представителей психологии, державшихся этого взгляда, можно назвать В. Вундта.

Существует и еще один, четвертый, способ решения дан-

ной проблемы: психика признается свойственной не всякой вообще материи и не всякой живой материи, но только таким организмам, которые имеют нервную систему. Эту точку зрения можно было бы обозначить как концепцию «нейропсихизма». Она выдвигалась Дарвином, Спенсером и нашла широкое распространение как в современной физиологии, так и среди психологов, прежде всего психологов-спенсерианцев.

Можем ли мы остановиться на одной из этих четырех позиций как на точке зрения, в общем правильно ориентирующей нас в проблеме возникновения психики?

Последовательно материалистической науке чуждо как то утверждение, что психика является привилегией только человека, так и признание всеобщей одушевленности материи. Наш взгляд состоит в том, что психика – это такое свойство материи, которое возникает лишь на высших ступенях ее развития – на ступени органической, живой материи. Значит ли это, однако, что *всякая* живая материя обладает хотя бы простейшей психикой, что переход от неживой к живой материи является вместе с тем и переходом к материи одушевленной, чувствующей?

Мы полагаем, что и такое допущение противоречит современным научным знаниям о простейшей живой материи. Психика может быть лишь продуктом дальнейшего развития живой материи, дальнейшего развития самой жизни.

Таким образом, необходимо отказаться также и от того

утверждения, что психика возникает вместе с возникновением живой материи и что она присуща всему органическому миру.

Остается последний из перечисленных взглядов, согласно которому возникновение психики связано с появлением у животных нервной системы. Однако и этот взгляд не может быть принят, с нашей точки зрения, безоговорочно. Его неудовлетворительность заключается в произвольности допущения прямой связи между появлением психики и появлением нервной системы, в неучете того, что орган и функция хотя и являются неразрывно взаимосвязанными, но вместе с тем связь их не является неподвижной, однозначной, раз и навсегда зафиксированной, так что аналогичные функции могут осуществляться различными органами.

Например, та функция, которая впоследствии начинает выполняться нервной тканью, первоначально реализуется процессами, протекающими в протоплазме без участия нервов[23]. У губок (stylotella), полностью лишенных собственно нервных элементов, установлено, однако, наличие настоящих сфинктеров, действие которых регулируется, следовательно, не нервными аппаратами (М. Паркер)[24]. Мы не можем поэтому принять без дальнейшего конкретного рас-

---

[23] *Child C.M.* The Origin and Development of the Nervous System. Chicago: University of Chicago Press, 1921.

[24] *Bianchi L.* La mécanique du cerveau et la fonction des lobes frontaux. Paris: L. Arnette, 1921.

смотрения, как это делают многие современные физиологи, также и тот взгляд, согласно которому возникновение психики ставится в прямую и вполне однозначную связь с возникновением нервной системы, хотя на последующих этапах развития эта связь не вызывает, конечно, никакого сомнения.

Таким образом, проблема возникновения психики до сих пор не может считаться решенной, даже в ее самой общей форме.

Такое состояние проблемы возникновения психики, естественно, приводило ряд естествоиспытателей именно в этом вопросе к позициям агностицизма. В последней четверти прошлого столетия Эмиль Дюбуа-Реймон – один из виднейших естествоиспытателей своего времени – указал в своей речи в честь Лейбница (1880) на семь неразрешимых для человеческой науки «мировых загадок»[25]. Как известно, в их числе стоял и вопрос о возникновении ощущения. Президент Берлинской академии, где Дюбуа-Реймон выступал с этим докладом, подводя итоги обсуждения проблемы

---

[25] *Du Bois-Reymond E.* Reden, Bd. I–II. Leipzig: Veit, 1912; русск. пер.: *Дюбуа-Реймон Э.Г.* О границах познания природы. Семь мировых загадок. 2-е изд. М., 1901. См. также: *Огнев И.Ф.* Речи Э. Дюбуа-Реймона и его научное мировоззрение // Вопросы философии и психологии, 1899. Кн. 48 (3). С. 211–241. Повторяя вслед за Дюбуа-Реймоном положение о неразрешимости «загадки первых ощущений», О.Д. Хвольсон логически неизбежно приходит и к более общему положению «психологического агностицизма», а именно, что вообще проблемы психологии «фактически чужды естествознанию» (*Хвольсон О.Д.* Гегель, Геккель, Коссут и двенадцатая заповедь. СПб.: Physice, 1911).

непознаваемости для науки некоторых вопросов, отвел целый ряд «загадок», но сохранил три, подчеркнув их якобы действительную недоступность человеческому познанию. В числе этих трех оказался и вопрос о первом возникновении ощущений, вопрос, который Геккель не случайно назвал «центральной психологической тайной»[26].

Нет, понятно, ничего более чуждого последовательно материалистической науке, чем взгляды агностицизма, хотя бы и ограниченные одним только участком знания.

2

Первое, что встает перед исследованием генезиса психики, – это вопрос о первоначальной, исходной форме психического. По этому поводу существуют два противоположных взгляда. Согласно одному из них, развитие психической жизни начинается с появления так называемой гедонической психики, т. е. с зарождения примитивного, зачаточного самосознания. Оно заключается в первоначально смутном еще переживании организмом своих собственных состояний, в переживании положительном при условии усиленного питания, роста и размножения и отрицательном при условии голодания, частичного разрушения и т. п. Эти состояния, являющиеся прообразом человеческих переживаний влечения,

---

[26] *Геккель Э.* Мировые загадки. М.: ОГИЗ, 1935.

наслаждения или страдания, якобы и составляют ту главную основу, на которой в дальнейшем развиваются различные формы «предвидящего» сознания, сознания, познающего окружающий мир.

Этот взгляд может быть теоретически оправдан только с позиций психовиталистического понимания развития, которое исходит из признания особой, заключенной в самом объекте силы, раньше действующей как чисто внутреннее побуждение и лишь затем «вооружающей» себя органами внешних чувств. Мы не считаем, что этот взгляд может быть принят современным исследованием, желающим остаться на научной почве, и не считаем необходимым вдаваться здесь в его критику.

Как теоретические, так и чисто фактические основания заставляют нас рассматривать жизнь прежде всего как процесс взаимодействия организма и окружающей его среды.

Только на основе развития этого процесса внешнего взаимодействия происходит также развитие внутренних отношений и состояний организма; поэтому внутренняя чувствительность, которая по своему биологическому значению связана с функциональной коадаптацией органов, может быть лишь вторичной, зависимой от «проталлаксических» (А.Н. Северцов) изменений. Наоборот, первичной нужно считать экстрачувствительность, функционально связанную с взаимодействием организма и его внешней среды.

Итак, мы будем считать элементарной формой психи-

ки ощущение, отражающее внешнюю объективную действительность, и будем рассматривать вопрос о возникновении психики в этой конкретной его форме как вопрос о возникновении «способности ощущения», или, что то же самое, *собственно чувствительности.*

Что же может служить критерием чувствительности, т. е. как можно вообще судить о наличии ощущения, хотя бы в самой простой его форме? Обычно практическим критерием чувствительности является критерий *субъективный.* Когда нас интересует вопрос о том, испытывает ли какое-нибудь ощущение данный человек, то, не вдаваясь в сложные рассуждения о методе, мы можем поступить чрезвычайно просто: спросить его об этом и получить совершенно ясный ответ. Мы можем, далее, проверить правильность данного ответа, поставив этот вопрос в тех же условиях перед достаточно большим числом других людей. Если каждый из спрошенных или подавляющее большинство из них будет также отмечать у себя наличие ощущения, то тогда, разумеется, не остается никакого сомнения в том, что это явление при данных условиях действительно всегда возникает. Дело, однако, совершенно меняется, когда перед нами стоит вопрос об ощущении у животных. Мы лишены возможности обратиться к самонаблюдению животного, мы ничего не можем узнать о субъективном мире не только простейшего организма, но даже и высокоразвитого животного. Субъективный критерий здесь, следовательно, совершенно неприменим.

Поэтому когда мы ставим проблему критерия чувствительности (способности ощущения) как элементарнейшей формы психики, то мы необходимо должны поставить задачу отыскания не субъективного, но строго *объективного* критерия.

Что же может служить объективным критерием чувствительности, что может указать нам на наличие или отсутствие способности ощущения у данного животного по отношению к тому или иному воздействию?

Здесь мы снова должны прежде всего остановиться на том состоянии, в котором находится этот вопрос. Р. Иеркс указывает на наличие двух основных типов объективных критериев чувствительности, которыми располагает или якобы располагает современная зоопсихология[27]. Прежде всего это те критерии, которые называются критериями функциональными. Это критерии, т. е. признаки психики, лежащие в самом поведении животных.

Можно считать – и в этом заключается первое предположение, которое здесь возможно сделать, – что всякая подвижность вообще составляет тот признак, по наличию или отсутствию которого можно судить о наличии или отсутствии ощущения. Когда собака прибегает на свист, то совершенно естественно предположить, что она слышит его, т. е. что она чувствительна к соответствующим звукам.

---

[27] *Yerkes R.M.* Animal psychology and criteria of the psychic // The Journal of Philosophy, Psychology, and Scientific Method. 1905. Vol. 11. N 6. P. 141–149.

Итак, когда этот вопрос ставится по отношению к такому животному, как, например, собака, то на первый взгляд дело представляется достаточно ясным; стоит, однако, перенести этот вопрос на животных, стоящих на более низкой ступени развития, и поставить его в общей форме, как тотчас же обнаруживается, что подвижность еще не говорит о наличии у животного ощущения. Всякому животному присуща подвижность; если мы примем подвижность вообще за признак чувствительности, то мы должны будем признать, что всюду, где мы встречаемся с явлениями жизни, а следовательно, и с подвижностью, существует также и ощущение *как* психологическое явление. Но это положение находится в прямом противоречии с тем бесспорным для нас тезисом, что психика, даже в своей простейшей форме, является свойством не всякой органической материи, но присуща лишь высшим ее формам. Мы можем, однако, подойти к самой подвижности дифференцированно и поставить вопрос так: может быть, признаком чувствительности является не всякая подвижность, а только некоторые формы ее? Такого рода ограничение также не решает вопроса, поскольку известно, что даже очень ясно ощущаемые воздействия могут быть вовсе не связаны с выраженным внешним движением.

Подвижность не может, следовательно, служить критерием чувствительности.

Возможно, далее, рассматривать в качестве признака чувствительности не форму движения, а их функцию. Тако-

вы, например, попытки некоторых представителей биологического направления в психологии, считавших признаком ощущения способность организма к защитным движениям или связь движений организма с предшествующими его состояниями, с его опытом. Несостоятельность первого из этих предположений заключается в том, что движения, имеющие защитный характер, не могут быть противопоставлены другим движениям, представляющим собой выражение простейшей реактивности. Отвечать так или иначе не только на положительные для живого тела воздействия, но, разумеется, также и на воздействия отрицательные, есть свойство всей живой материи. Когда, например, амеба втягивает свои псевдоподии в ответ на распространение кислоты в окружающей ее воде, то это движение, несомненно, является защитным; но разве оно сколько-нибудь больше свидетельствует о способности амебы к ощущению, чем противоположное движение выпускания псевдоподии при схватывании пищевого вещества или активные движения «преследования» добычи, так ясно описанные у простейших Дженнигсом?

Итак, мы не в состоянии выделить какие-то специальные функции, которые могли бы дифференцировать движения, связанные с ощущением, и движения, с ощущением не связанные.

Равным образом не является специфическим признаком ощущения и факт зависимости реакций организма от его общего состояния и от предшествующих воздействий. Некото-

рые исследователи (Бон и др.) предполагают, что если движение связано с *опытом* животного, т. е. если в своих движениях животное обнаруживает зачаточную память, то тогда эти движения связаны с чувствительностью. Но и эта гипотеза наталкивается на совершенно непреодолимую трудность: способность изменяться и изменять свою реакцию под влиянием предшествующих воздействий также может быть установлена решительно всюду, где могут быть установлены явления жизни вообще, ибо всякое живое и жизнеспособное тело обладает тем свойством, которое мы называем мнемической функцией, в том широком смысле, в котором это понятие употребляется Герингом или Семоном.

Говорят не только о мнемической функции применительно к живой материи в собственном смысле слова, но и применительно к такого рода неживым структурам, которые лишь *сходны* в физико-химическом отношении с живым белком, но не тождественны с ним, т. е. применительно к неживым коллоидам. Конечно, мнемическая функция живой материи представляет собой качественно иное свойство, чем «мнема» коллоидов, но это тем более дает нам основание утверждать, что в условиях жизни всюду обнаруживается и то свойство, которое выражается в зависимости реакций живого организма от прежних воздействий, испытанных данным органическим телом. Значит, и этот последний момент не может служить критерием чувствительности.

Причина, которая делает невозможным судить об ощу-

щении по двигательным функциям животных, заключается в том, что мы лишены объективных оснований для различения, с одной стороны, *раздражимости,* которая обычно определяется как общее свойство всех живых тел приходить в состояние деятельности под влиянием внешних воздействий, с другой стороны – *чувствительности,* т. е. свойства, которое хотя и представляет собой известную форму раздражимости, но является формой качественно своеобразной. Действительно, всякий раз, когда мы пробуем судить об ощущении по движению, мы встречаемся именно с невозможностью установить, имеем ли мы в данном случае дело с чувствительностью или с выражением простой раздражимости, которая присуща всякой живой материи.

Совершенно такое же затруднение возникает и в том случае, когда мы оставляем функциональные, как их называет Иеркс, критерии и переходим к критериям структурным, т. е. пытаемся судить о наличии ощущений не на основании функции, а на основании анатомической организации животного. Морфологический критерий оказывается еще менее надежным. Причина этого заключается в том, что, как мы уже говорили, органы и функции составляют единство, но они, однако, связаны друг с другом отнюдь не неподвижно и не однозначно[28]. Сходные функции могут осуществляться на разных ступенях биологического развития с помощью

---

[28] См.: *Дорн А.* Происхождение позвоночных животных и принцип смены функций. М.; Л.: Биомедгиз, 1937.

различных по своему устройству органов или аппаратов, и наоборот. Так, например, у высших животных всякое специфическое для них движение осуществляется, как известно, с помощью нервно-мускульной системы. Можем ли мы, однако, утверждать на этом основании, что движение существует только там, где существует нервно-мускульная система, и что, наоборот, там, где ее нет, нет и движения? Этого утверждать, конечно, нельзя, так как движения могут осуществляться и без наличия нервно-мускульного аппарата. Таковы, например, движения растений; это тургорные движения, которые совершаются путем быстро повышающегося давления жидкости, прижимающей оболочку плазмы к клеточной оболочке и напрягающей эту последнюю. Такие движения могут быть очень интенсивны, так как давление в клетках растений иногда достигает величины в несколько атмосфер (Г. Молиш). Иногда они могут быть и очень быстрыми. Известно, например, что листья мухоловки (Dionaea muscipula) при прикосновении к ним насекомого моментально захлопываются. Но подобно тому как отсутствие нервно-мускульного аппарата не может служить признаком невозможности движения, так и отсутствие дифференцированных чувствительных аппаратов не может еще служить признаком невозможности зачаточного ощущения, хотя ощущения у высших животных всегда связаны с определенными органами чувств.

Известно, например, что у мимозы эффект от поранения одного из лепестков конечной пары ее большого перистого

листа передается по сосудистым пучкам вдоль центрального черенка, так что по листу пробегает как бы волна раздражения, вызывающего складывание одной пары за другой всех остальных лепестков. Является ли имеющийся здесь аппарат преобразования механического раздражения, в результате которого наступает последующее складывание соседних лепестков, органом передачи ощущений? Понятно, что мы не можем ответить на этот вопрос, так как для этого необходимо знать, чем отличаются аппараты собственно чувствительности от других аппаратов – преобразователей внешних воздействий. А для этого, в свою очередь, нужно умело различать между собой процессы раздражимости и процессы чувствительности.

Впрочем, когда мы переходим к структурным критериям, т. е. к анализу анатомического субстрата функций, то на первый взгляд может показаться, что здесь открывается возможность воспользоваться данными сравнительно-анатомического изучения и исходить не только из внешнего сравнения органов, но и из исследования их реальной генетической преемственности. Может быть, именно изучение преемственности в развитии органов поможет сблизить органы, функция которых нам хорошо известна у высших животных, с органами, совсем не похожими на них, но связанными с ними генетически, и таким образом прийти к установлению общности их функций? Если бы открылась такая возможность, то для решения проблемы генезиса чувствительности

следовало бы просто двигаться по этому пути: кропотливо изучать, как данный орган развивается и превращается в орган, имеющий другую структуру, но выполняющий аналогичную функцию. Но и на этом пути мы наталкиваемся на неодолимую трудность. Она заключается в том, что развитие органов подчинено принципу несовпадения происхождения органа, с одной стороны, и его функции – с другой.

Современная сравнительная анатомия выделяет два очень важных понятия – понятие гомологии и понятие аналогии. «В *аналогии* и *гомологии,* – говорит Догель, – мы имеем перед собой две *равноценные,* хотя и разнородные, категории явлений. Гомологии выражают собой способность организмов исходя из одного и того же материала (идентичные органы) в процессе эволюции под влиянием естественного отбора применяться к различным условиям и достигать различного эффекта: из плавников рыб вырабатываются органы плавания, хождения, летания, копуляции и т. д. В аналогиях сказывается способность организмов исходя из различного основного материала приходить к одному и тому же результату и создавать образования, сходные как по функции, так и по строению, хотя и не имеющие между собой в филогенетическом отношении ничего общего, например глаза позвоночных, головоногих и насекомых»[29].

Таким образом, путь прямого сравнительно-морфологи-

---

[29] *Догель В.А.* Сравнительная анатомия беспозвоночных. Л.: Учпедгиз, 1938. Ч. I. С. 9.

ческого исследования также закрыт для разрешения проблемы возникновения ощущения благодаря тому, что органы, общие по своему происхождению, могут быть, однако, связаны с различными функциями. Может существовать гомология, но может не существовать аналогии между ними, причем это несовпадение, естественно, будет тем резче, чем больший отрезок развития мы берем и чем ниже мы спускаемся по ступеням эволюции. Поэтому если на высших ступенях биологической эволюции мы еще можем по органам достаточно уверенно ориентироваться в функциях, то, чем дальше мы отходим от высших животных, тем такая ориентировка становится менее надежной. Это и составляет основное затруднение в задаче различения органов чувствительности и органов раздражимости.

Итак, мы снова пришли к проблеме чувствительности и раздражимости. Однако теперь эта проблема встала перед нами в иной форме – в форме проблемы различения органов ощущений и органов, которые раздражимы, но которые тем не менее не являются органами ощущения.

Невозможность объективно различать между собой процессы чувствительности и раздражимости привела физиологию последнего столетия вообще к игнорированию проблемы этого различения. Поэтому часто оба эти термина – чувствительность и раздражимость – употребляются как синонимы. Правда, физиология на заре своего развития различала эти понятия: понятие чувствительности (sensibilitas), с од-

ной стороны, и понятие раздражимости (irribilitas) – с другой (А. фон Галлер).

В наши дни вопрос о необходимости различения чувствительности и раздражимости снова стал значимым для физиологии. Это понятно: современные физиологи все ближе и ближе подходят к изучению таких физиологических процессов, которые непосредственно связаны с одним из высших свойств материи – с психикой. Не случайно поэтому у Л.А. Орбели мы снова встречаемся с мыслью о необходимости различать эти два понятия – понятие чувствительности и раздражимости. «Я буду стараться пользоваться понятием “чувствительность”… только в тех случаях, когда мы можем с уверенностью оказать, что раздражение данного рецептора и соответствующих ему высших образований сопровождается возникновением определенного субъективного ощущения… Во всех других случаях, где нет уверенности или не может быть уверенности в том, что данное раздражение сопровождается каким-либо субъективным ощущением, мы будем говорить о явлениях раздражительности и возбудимости»[30].

Таким образом, тот критерий, которым автор пользуется для различения раздражимости и чувствительности, остается по-прежнему чисто субъективным. Если для задач исследования на человеке субъективный критерий чувствитель-

---

[30] *Орбели Л.А.* Лекции по физиологии нервной системы. 3-е изд. М.; Л.: Биомедгиз, 1938. С. 32.

ности и является практически пригодным, то для целей изучения животных он является попросту несуществующим. «Понятие ощущения, – писал один из зоопсихологов, Циглер, – совершенно лишено цены в зоопсихологии». С точки зрения чисто субъективного понимания чувствительности это, конечно, правильно. Но отсюда только один шаг до принципиальных выводов, которые в самом конце прошлого столетия были сделаны в ряде деклараций зоопсихологов (Бетё, Бер, Икскюль), совершенно ясно и недвусмысленно выдвигавших следующий парадоксальный тезис: «Научная зоопсихология вовсе не есть наука о психике животных и никогда не сможет ею стать»[31].

Таким образом, проблема генезиса ощущений (то есть чувствительности как элементарной формы психики) стоит в конкретных исследованиях совершенно так же, как она стоит и в общетеоретических взглядах. Вся разница заключается лишь в том, что в одних случаях мы имеем *принципиальное* утверждение позиций агностицизма в проблеме возникновения психики, в другом случае – *фактические* позиции агностицизма, выражающиеся в отказе от реальных попыток проникнуть объективным методом, – а это есть единственная возможность по отношению к животным, – в тот круг явлений, которые мы называем явлениями психически-

---

[31] *Beer T., Bethe A., Uexküll J. von.* Vorschläge zu einer objektivierenden Nomenklatur in der Physiologie des Nervensvstems // Biologisches Zentralblatt. 1899. Bd. XIX. N 15.

ми и которые в своей элементарной форме обнаруживаются в форме явлений чувствительности. Именно отсутствие *объективного* и вместе с тем *прямого* критерия чувствительности животных, естественно, приводило к тому, что проблема перехода от способности раздражимости к способности собственно чувствительности как проблема конкретного исследования полностью отрицалась большинством теоретиков психологии на том псевдоосновании, что раздражимость и чувствительность суть понятия, относящиеся якобы к двум принципиально различным сферам действительности: одно, раздражимость, – к материальным фактам органической природы, другое, ощущение или чувствительность, – к миру явлений, которые понимались либо как одна из форм выражения особого духовного начала, либо как явления чисто субъективные, лишь «сопутствующие» некоторым органическим процессам и в силу этого не подлежащие естественнонаучному рассмотрению.

В своем общем виде этот взгляд разделялся почти всей последекартовской психологией. Даже противоположные друг другу по своим философским тенденциям ее направления остаются на той же самой исходной позиции метафизического противопоставления субъективных психических явлений объективному содержанию материальных процессов жизни. В одних случаях эта позиция выражается в прямом отрыве психики от материи или же, наоборот, в попытках механистически свести психические процессы к физиологи-

ческим; в других случаях – в признании существующей между ними необъяснимым образом предустановленной «параллельности» или чисто идеалистически понимаемого «взаимодействия». Несмотря на особенно ясную, именно с точки зрения задачи конкретного изучения психики, безнадежность этой позиции, буржуазная психология неизменно оставалась на ней. Она внесла эту субъективную позицию и в проблему генезиса психики. Но именно здесь теоретическая несостоятельность такой позиции обнаруживается особенно ясно.

3

То безнадежное положение проблемы генезиса ощущения, которое создалось в буржуазной психологии вопреки собранному ею огромному фактическому материалу о поведении животных, обязывает нас с самого начала отчетливо противопоставить ее общетеоретическим позициям принципиально иной подход, вытекающий из принципиально иного понимания психики.

Психика есть свойство живых, высокоорганизованных материальных тел, которое заключается в их способности отражать своими состояниями окружающую их, независимо от них существующую действительность, – таково наиболее общее материалистическое определение психики. Психические явления – ощущения, представления, понятия –

суть более или менее точные и глубокие отражения, образы, снимки действительности; они являются следовательно, вторичными по отношению к отражаемой ими действительности, которая, наоборот, есть первичное, определяющее.

Это общетеоретическое, философское положение является основным для материалистической психологии. Поэтому всякая попытка представить психическое как хотя и связанное с материей, но вместе с тем принадлежащее особому духовному началу является отступлением от научных позиций. Нельзя ограничиваться лишь признанием того факта, что наши представления, понятия, идеи и та объективная действительность, которая в них отражается, не одно и то же. Этим подчеркивается только одна сторона дела. Но для психологии особенно важно подчеркнуть также и другую сторону: что всякое отражение объективного мира в психических явлениях есть не что иное, как функция вещественного, телесного субъекта, который сам есть частица этого мира, что, иначе говоря, сущность психического лежит в мире объективных отношений, а не вне его. Задача научной психологии и заключается прежде всего в том, чтобы найти такой путь конкретного изучения этих субъективных явлений, который, образно говоря, позволил бы проникнуть за их поверхность в раскрывающие их объективные отношения.

Вопрос об этом пути представляет, разумеется, не только отвлеченный интерес. Это вопрос о фактическом направлении, содержании и судьбе любого конкретного психологиче-

ского исследования.

Первоначальный, наивный взгляд на психику открывает глубоко своеобразный характер психических явлений, который резко отличает их от других, объективных явлений действительности. С точки зрения этого взгляда, наша деятельность кажется протекающей как бы в двух изначально различных и противоположных планах: в плане субъективном, идеальном – это деятельность нашего сознания, это мышление; в плане объективном, в плане явлений материального мира – это наша внешняя материальная деятельность, движения нашего тела и, наконец, те внутренние процессы, которые составляют их физиологическую основу. Каждый хорошо знает по своему внутреннему опыту эти своеобразные субъективные явления. Пользуясь самонаблюдением, мы можем довольно точно их описать, хотя это не всегда одинаково легко сделать. Однако простое описание явлений еще не дает нам научного знания. Нужно как-то уметь раскрыть их, т. е. найти сущность, перейти от того, чем первоначально кажется предмет нашего изучения, к тому, что он есть. Такова задача всякого научного познания. Эта задача стоит и перед научной психологией.

Как же и в каком направлении должно двигаться исследование, чтобы проникнуть за видимость «чистой объективности» психических явлений, но вместе с тем не утратить предмета изучения – самой психики? Начиная с тех пор, как психология стала наукой, этот вопрос неизменно выступал

на каждом новом, узловом этапе ее развития. Каждое психологическое направление пыталось решать его по-своему. Не нужно, впрочем, преувеличивать многообразие и сложность этих попыток. Они очень ограничены, несмотря на кажущуюся пестроту внешне облекающих их терминов.

Прежде всего это попытка рассматривать наш психический мир – мир наших представлений, чувств, мыслей, – отыскивая в нем самом законы, выражающие его сущность. Может быть, данные наблюдения над колеблющимися и неясными субъективными психическими явлениями смогут привести нас в результате их тщательной рациональной обработки к познанию законов и причин, господствующих в «малом мире» нашего сознания, подобно тому как наблюдение мерцающих и порой скрываемых облаками звезд привело человечество к раскрытию законов, управляющих движением «большого мира» – мира Вселенной?[32]

Эта идея классической рациональной психологии никогда, конечно, не была осуществлена и никогда не сможет осуществиться на деле. Мир явлений сознания вовсе не похож на мир планет. Сознание нельзя рассматривать в его замкнутом в себе бытии, ибо в нем не существует самостоятельных отношений. Когда говорят о «душевных движениях» или о «душевных силах», то это не более чем простые метафоры. Явления сознания всегда к чему-то относятся и что-то собой

---

[32] См.: *Спекторский Е.* Физицизм и свобода рациональной психологии XVII в. // Вопросы философии и психологии. 1915. Кн. 130 (5). С. 461–498.

отражают. Поэтому никакая самостоятельная «физика» явлений сознания, никакая «математика представления», никакая «геометрия» или чистая «логика духа» невозможны.

Уже простое наблюдение открывает нам обусловленность явлений нашего сознания внешней предметной действительностью, которая в них отражается.

Если, однако, исходя из этого совершенно очевидного факта мы попытаемся искать объяснения их существования в самой отражаемой действительности, взятой абстрактно от субъекта, то уже с самого первого шага мы окажемся полностью вне предмета нашего изучения. Отражаемая нашим сознанием действительность представляет собой мир, отношения и связи которого отнюдь не являются психологическими. Сама по себе вещь, сознательный образ или идею которой я переживаю, может быть изучена мною как угодно глубоко и многосторонне, но я все равно не смогу при этом найти в ней законов отражающего ее сознания.

Можно сделать попытку раскрыть явления сознания, идя и по другому пути. Можно двигаться от поверхности этих явлений не к внешнему миру, а, наоборот, внутрь в прямом, буквальном смысле, т. е. к мозгу и к тем физиологическим процессам, которые в нем происходят. Но и в этом случае нам грозит утрата предмета нашего изучения. Те явления и процессы, которые мы открываем в мозгу и в других органах нашего тела, суть явления и процессы физиологические, а не психологические. Психика всегда связана с этими про-

цессами и не существует вне этих процессов. Но можем ли мы видеть в них *сущность* психического? «Мы, несомненно, “сведем” когда-нибудь экспериментальным путем мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но разве этим исчерпывается сущность мышления?»[33] Сознание, мышление, психика вообще несводимы к процессам, совершающимся в мозгу, и не могут быть непосредственно выведены из них.

Итак, при таком подходе по одну сторону психических явлений мы находим независимую внешнюю действительность, а по другую их сторону – мозг и совершающиеся в нем нервные физиологические процессы, т. е. в обоих случаях явления не психические. Поэтому последние могут казаться расположенными как бы в чисто математической плоскости, лишенной какой бы то ни было «глубины». Стало быть, получается так, что изучение этих явлений может двигаться якобы лишь по поверхности, всякая же попытка проникнуть за эти явления выводит нас вообще за пределы психики.

Эта особенность психических явлений – особенность, разумеется, мнимая – дала основание выдвинуть известное идеалистическое положение о том, что «психика есть то, за что она выдает себя» (Лотце), что, иначе говоря, явление и сущность в нем совпадают, что, следовательно, ее объективное причинное познание невозможно и что поэтому психология навсегда обречена оставаться собранием чисто описа-

---

[33] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 563.

тельных данных о непосредственном созерцании человеком своего собственного душевного мира.

Но, может быть, ошибка, ведущая к признанию научной непознаваемости психики, заключается в попытке рассматривать психические явления отдельно в их отношениях к внешнему миру и отдельно в их отношении к физиологическим процессам организма? Может быть, для того чтобы проникнуть в причинные связи и законы психики, достаточно лишь взять оба эти отношения одновременно? Именно по этому пути и шли усилия экспериментальной физиологической психологии прошлого столетия.

Ее представители считали одинаково бесплодной как психологию, состоящую из общих рассуждений о психических явлениях, так и психологию, полностью основанную на данных самонаблюдения. Они исходили из следующей мысли: для того чтобы сделать психологию подлинно научной, достаточно лишь признать эмпирический факт связи явлений сознания с физиологическими процессами и обусловленность обоих внешними воздействиями, а затем приступить к их совместному изучению экспериментальным методом[34].

Одно весьма простое обстоятельство создавало, однако, и на этом пути неодолимое препятствие. Это обстоятельство заключается в том, что когда в результате воздействия на испытуемого мы получаем, с одной стороны, строго причин-

---

[34] *Wundt C.W.* Über psychologische Methoden // Philosophische Studien. 1883. Bd. 1. S. 1—38.

ный ряд объективных физиологических явлений, а с другой – ряд явлений сознания, то мы не в состоянии найти переход между ними. Все, что мы имеем право утверждать, оставаясь на почве экспериментальных материалов и не вступая в грубое противоречие с научным пониманием причинности, – это факт параллельности их протекания. Если при этом исходить из субъективных явлений, то оказывается, что анализ соответствующих им физиологических процессов хотя и отвечает на очень важный вопрос об их анатомо-физиологическом субстрате, но ничего по существу не может прибавить к данным самонаблюдения, не может обогатить их. Если же исходить, наоборот, из анализа объективных физиологических процессов в их связи с внешними воздействиями, то оказывается, что для научного объяснения этих процессов мы вовсе не нуждаемся в привлечении субъективных фактов сознания, ибо, по известному выражению, сознание так же не в силах влиять на их естественный ход, как тень, отбрасываемая пешеходом, на его шаги[35].

Как известно, часть психологов сделала из этого обстоятельства весьма радикальный вывод о необходимости во-

---

[35] Не случайно эта мысль, выразившая собой теоретический кризис психологии конца XIX в., была положена А.И. Введенским в основу его «закона отсутствия объективных признаков одушевления», смысл которого заключался в утверждении объективно-эмпирической непознаваемости психики (*Введенский А.И.* О пределах и признаках одушевления. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1892. См. также выступление против этого «закона» Н.Я. Грота: Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 16 (I). Специальный отдел. С. 117–118).

все выбросить из психологии изучение субъективных явлений и считать их лежащими за областью науки. Для психологов-идеалистов это послужило лишним поводом для защиты описательной психологии и для воскрешения психологии рациональной в ее худших, так сказать, модернизированных формах. Таким образом, задача раскрытия сущности психики продолжала по-прежнему оставаться за пределами положительного научного исследования.

Было бы, конечно, неправильно отрицать ту положительную роль, которую сыграла традиционная психология в развитии конкретно-психологических знаний; об этом свидетельствует прежде всего накопленный ею фактический материал. Столь же неправильно было бы представлять себе и историю развития теоретических психологических взглядов только как историю пустых заблуждений, которые ничему не способны нас научить. Это, конечно, не только история заблуждений. Это есть вместе с тем история настойчивых поисков решения основного, величайшего вопроса психологии – вопроса о ее действительном предмете.

Но нельзя закрывать глаза и на то, что психологическая наука, ограниченная рамками буржуазной философии, никогда не поднималась над уровнем чисто метафизического противопоставления субъективных психических явлений явлениям объективного мира; что она никогда поэтому не могла проникнуть в их действительную сущность; что и здесь и в психологии «неповоротливый тяжеловоз» буржуаз-

ной обыденной мысли всякий раз растерянно останавливается перед тем рвом, который отделяет, по словам Энгельса, сущность от явления, причину от следствия.

В действительности противоположность между субъективным и объективным не является абсолютной и изначально данной. Их противоположность порождается развитием, причем на всем протяжении его сохраняются взаимопереходы между ними, уничтожающие их «односторонность». Нельзя, следовательно, ограничиваться лишь чисто внешним сопоставлением субъективных и объективных данных, но нужно вскрыть и подвергнуть изучению тот содержательный и конкретный процесс, в результате которого совершается превращение объективного в субъективное.

4

Что же представляет собой тот реальный процесс, который связывает оба полюса противоположности объективного и субъективного и который, таким образом, определяет то, отражается ли окружающая действительность в психике изучаемого нами субъекта – животного или человека – и какова та конкретная форма, в которой это отражение осуществляется? *Что,* иначе говоря, создает *необходимость* психического отражения объективной действительности? Ответ на этот вопрос выражен в известном положении В.И. Ленина о том, что «человек не мог бы биологически

приспособиться к среде, если бы его ощущения не давали ему *объективно-правильного* представления о ней»[36]. Необходимость ощущения, и при этом ощущения, дающего правильное отражение действительности, лежит, следовательно, в условиях и требованиях самой жизни, т. е. в тех процессах, которые реально связывают человека с окружающей его действительностью. Равным образом и то, в какой форме и как именно отражается соответствующий предмет действительности в сознании человека, зависит опять-таки от того, каков процесс, связывающий человека с этой действительностью, какова его реальная жизнь, иначе говоря, каково его бытие.

Эти положения, правильность которых с очевидностью выступает, когда мы имеем дело с человеческим сознанием, с не меньшей ясностью выступает, как мы увидим, и в том случае, когда мы имеем дело с процессами отражения действительности в их зачаточных формах – у животных.

Итак, для того чтобы раскрыть необходимость возникновения психики, ее дальнейшего развития и изменения, следует исходить не из особенностей взятой самой по себе организации субъекта и не из взятой самой по себе, т. е. в отрыве от субъекта, действительности, составляющей окружающую его среду, но из анализа того процесса, который реально связывает их между собой. А этот процесс и есть не что иное, как процесс жизни. Нам нужно исходить, следовательно, из анализа самой жизни.

---

[36] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 18. С. 185.

Правильность этого подхода к изучению возникновения психики и ее развития явствует еще и из другого.

Мы рассматриваем психику как свойство материи. Но всякое свойство раскрывает себя в определенной форме движения материи, в определенной форме взаимодействия. Изучение какого-нибудь свойства и есть изучение соответствующего взаимодействия.

«*Взаимодействие* – вот первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю… Так естествознанием подтверждается то… что взаимодействие является истинной causa finalis [конечной причиной] вещей. Мы не можем пойти дальше познания этого взаимодействия именно потому, что позади его нечего больше познавать»[37].

Так же ли решается этот вопрос и применительно к психике? Или, может быть, психика есть некое исключительное, «надприродное» свойство, которое никогда и ни в каком реальном взаимодействии не может обнаружить своего истинного лица, как это думают психологи-идеалисты? Марксизм и на этот вопрос дает совершенно ясный ответ. «То, что Гегель называет взаимодействием, есть *органическое тело,* которое поэтому и образует переход к сознанию…»[38] – говорил далее Энгельс.

Что же в таком случае представляет собой процесс взаимодействия, в котором раскрывает себя то высшее свойство

---

[37] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 546.

[38] Там же. С. 624.

материи, которое мы называем психикой? Это определенная форма жизненных процессов. Если бы не существовало перехода животных к более сложным формам жизни, то не существовало бы и психики, ибо *психика есть именно продукт усложнения жизни.* И, наоборот, если бы психика не возникала на определенной ступени развития материи, то невозможны были бы и те сложные жизненные процессы, необходимым условием которых является способность психического отражения субъектом окружающей его предметной действительности.

Итак, основной вывод, который мы можем сделать, заключается в том, что для решения вопроса о возникновении психики мы должны начинать с анализа тех условий жизни и того процесса взаимодействия, который ее порождает. Но такими условиями могут быть только условия жизни, а таким процессом – только сам материальный жизненный процесс.

Психика возникает на определенной ступени развития жизни не случайно, а необходимо, т. е. закономерно. В чем же заключается необходимость ее возникновения? Ясно, что если психика не есть только чисто субъективное явление, не только «эпифеномен» объективных процессов, но представляет собой свойство, имеющее реальное значение в жизни, то необходимость ее возникновения определяется развитием самой жизни, более сложные условия которой требуют от организмов способности *отражения* объективной действительности в форме простейших ощущений. Психика не про-

сто «прибавляется» к жизненным функциям организмов, но, возникая в ходе их развития, дает начало качественно новой высшей форме жизни – жизни, связанной с психикой, со способностью отражения действительности.

Значит, для того чтобы раскрыть процесс перехода от живой, но еще не обладающей психикой материи к материи живой и вместе с тем обладающей психикой, требуется исходить не из самих по себе внутренних субъективных состояний в их отделенности от жизнедеятельности субъекта и не из поведения, рассматриваемого в отрыве от психики или лишь как то, «через что изучаются» психические состояния и процессы, но нужно исходить из действительного единства психики и деятельности субъекта и исследовать их внутренние взаимосвязи и взаимопревращения.

2. Гипотеза

1

Мы видели, что с метафизических позиций проблема генезиса психики не может быть поставлена на почву конкретного научного исследования. Психология до сих пор не располагает сколько-нибудь удовлетворительным *прямым* и *объективным* критерием психики, на который она могла бы опираться в своих суждениях. Нам пришлось поэтому отка-

заться от традиционного для старой психологии субъективного подхода к этой проблеме и поставить ее как вопрос о переходе от тех простейших форм жизни, которые не связаны необходимым образом с явлениями чувствительности, к тем более сложным формам жизни, которые, наоборот, необходимо связаны с чувствительностью, со способностью ощущения, т. е. с простейшей зародышевой психикой. Наша задача и заключается в том, чтобы рассмотреть обе эти формы жизни и существующий между ними переход.

Жизнь есть процесс особого взаимодействия особым образом организованных тел.

Что же отличает процессы взаимодействия, специфически присущие живой материи, от процессов взаимодействия в неживой природе?

Существует взгляд на жизнь, согласно которому всякое тело представляет собой сложную физико-химическую машину, приводимую в действие энергией, поступающей извне. Такое приравнивание живого организма к машине является, однако, глубоко ложным. Оно противоречит основным фактам, характеризующим жизнь.

Всякая машина, работающая за счет тепловой, электрической или химической энергии, является простым преобразователем данной энергии. Это значит, что для того, чтобы машина пришла в действие, необходимо, чтобы она получила извне некоторое количество энергии, которое отчасти превращается ею во внешнюю работу и в свободную тепло-

вую энергию, отчасти же затрачивается на изнашивание ее собственных частей. За исключением последнего, сама машина и тот материал, из которого она построена, не претерпевают в связи с ее работой никаких изменений. При этом сам по себе факт изнашивания машины есть лишь внешнее следствие ее работы, и оно, конечно, не является необходимым, существенным условием тех процессов, которые происходят в машине.

Совершенно иное положение вещей мы имеем в случае работы живого организма. Работа живого организма возможна только при наличии постоянных изменений самого организма. Когда организм отвечает на какое-нибудь внешнее воздействие движением, то совершаемая им работа происходит не за счет энергии данного воздействия, но всегда за счет энергии частичного разрушения или изменения структуры составляющих его материальных частиц, связанного с падением энергетического потенциала, т. е. за счет энергии процесса диссимиляции. Поэтому всякий организм или органическая ткань могут отвечать на внешнее воздействие лишь в том случае, если они представляют собой энергетически напряженную структуру. В результате происшедшей реакции энергетический потенциал соответствующей ткани заметным образом падает, пока наконец эта теперь истощенная ткань не перестает вовсе отзываться на внешние воздействия. Вещество, которое распадается в связи с работой организма, есть вещество самого организма. Значит, поступаю-

щая извне энергия или вещество, освобождающаяся энергия которого может быть использована организмом, преобразуется в работу не непосредственно, но предварительно *усваивается* им, т. е. обращается в результате деятельности самого организма на восстановление его собственных тканей. «Собака, – замечает К. Бернар, – жиреет вовсе не жиром тех баранов, которых она поедает; она образует свой собственный собачий жир»[39]. Эта *внутренняя* работа организма, работа, образующая и восстанавливающая его собственное вещество, и составляет содержание противоположного процесса – процесса ассимиляции.

Таким образом, принципиальный цикл процессов, совершающихся в организме, может быть представлен в следующей схеме: внешняя энергия, поступающая в той или иной форме в организм, преобразуется и усваивается им. Для этого, однако, недостаточно, чтобы организм подвергался соответствующему воздействию, оставаясь пассивным, но необходимо, чтобы он вместе с тем сам произвел некоторую работу. Эта работа может выражаться или только во внутренних процессах, или также и во внешних движениях, *но она всегда должна быть.* Даже простейшие организмы необходимо совершают известную работу в связи с усвоением, например, в виде движения так называемых протоплазматических токов, которые разносят вещество, поступившее из внешней сре-

---

[39] *Бернар К.* Жизненные явления, общие животным и растениям. СПб., 1878. С. 120.

ды. Никакой процесс органического усвоения невозможен поэтому вне живого, деятельного вещества. Так, например, хлоропласт зеленых растений, при посредстве которого происходит ассимиляция углекислоты за счет энергии солнечных лучей, преобразует лучистую энергию солнца в химическую лишь в том случае, если он включен в обладающую известной структурой живую клетку. Изолированный хлоропласт, помещенный в коллоидный раствор, по-видимому, не способен к такой трансформации. Только в результате процессов, совершающихся благодаря энергии, освобождающейся при диссимиляции, наступает восстановление структуры живого вещества за счет веществ (и энергии), поступающих извне, и жизненный цикл организма может вновь продолжаться.

Энергетический процесс в живых организмах связан, следовательно, с распадом и восстановлением частиц самого организма, т. е. всегда происходит как процесс диссимилятивно-ассимилятивный. В противоположность неживой машине, части которой остаются неизмененными (если отвлечься от процесса их изнашивания, не являющегося существенным условием ее работы), живущий организм находится в состоянии постоянного самообновления.

Это свойство органической материи отмечалось почти всеми, кто когда-либо изучал жизнь. Основоположник диалектики Гераклит из Эфеса был, кажется, первым, указавшим его: «Текут наши тела, как ручьи, и материя вечно воз-

обновляется в них, как вода в потоке». Леонардо да Винчи выразил эту мысль в образе восстанавливающего себя пламени. «Живое тело, – писал он, – наподобие света свечи… непрерывно восстанавливает то, что уничтожается». Это свойство живой материи знал и принимал Лавуазье. Клод Бернар назвал факт неотделимости разрушения и созидания в каждое мгновение жизни физиологической аксиомой, «великим физиологическим принципом».

Философское диалектико-материалистическое раскрытие этого свойства было дано Энгельсом, который впервые стал рассматривать жизнь как существующее в самих вещах и явлениях вечно создающееся и разрушающееся противоречие, выражающее ту специфическую форму движения материи, которая начинает собой новый этап в развитии отношений материального мира.

Итак, всюду, где мы находим явления жизни, мы находим также процесс ассимиляции. Прекращение ассимиляции есть вместе с тем прекращение жизни. Поэтому даже в случае прекращения поступления энергии извне, т. е. в случае голодания организма, ассимиляция все же не прекращается. Она лишь происходит теперь путем преобразования собственного вещества жизненно менее значимых частей организма в другие, более жизненно важные структуры, так что организм как бы потребляет теперь самого себя (К. Бернар). Например, как показывают данные Шосса, даже у высших животных при условии голодания может быть преобра-

зовано в более жизненно важные структуры около половины всего составляющего организм вещества, причем наибольшую убыль веса обнаруживают жировая ткань и кровь (93 и 75 %) и наименьшую – нервная ткань (менее 0,2 %); еще более разителен этот процесс «самопотребления» у некоторых низших животных. Живой организм никогда, следовательно, не бывает в состоянии, которое позволило бы сравнить его с разряжающимся аккумулятором: один только процесс энергетического выравнивания обозначает собой не жизнь, но смерть – распад организма, его диссоциацию.

Точно так же повсюду, где имеются явления жизни, имеются и процессы диссимиляции, ибо никакая ассимилятивная деятельность невозможна иначе как за счет энергии диссимиляции. Оба этих основных процесса, из которых один уничтожает результат другого, существуют всегда вместе друг с другом.

Поэтому всюду, где мы находим явления жизни, мы находим также, с одной стороны, процесс поглощения организмом из внешней среды тех или иных веществ, которые затем ассимилируются им, а с другой стороны, процесс выделения организмом продуктов диссимиляции. Этот двусторонний процесс *обмена веществ* является существеннейшим моментом взаимодействия живых, т. е. белковых, тел с другими телами, представляющими для них питательную среду. По определению Энгельса, жизнь и есть «способ существования белковых тел, существенным моментом которого является

постоянный обмен веществ с окружающей их внешней природой, причем с прекращением этого обмена веществ прекращается и жизнь, что приводит к разложению белка»[40].

Обмен веществ существует и помимо жизни. Однако внешнее, формальное сходство процессов не должно вводить нас в заблуждение. Когда в известных опытах Румблера тонкая стеклянная нить, покрытая шеллаком, втягивается в каплю хлороформа и вновь выталкивается из нее, после того как она освободится от шеллаковой оболочки, то это, конечно, только *внешняя* модель процесса органического обмена. Капля хлороформа не обнаруживает при этом активности, специфической для живого тела, и поддержание ее существования не связано с этим процессом. Говоря об обмене веществ как о существенном моменте жизни, Энгельс замечает: «И у неорганических тел может происходить подобный обмен веществ, который и происходит с течением времени повсюду, так как повсюду происходят, хотя бы и очень медленно, химические действия. Но разница заключается в том, что в случае неорганических тел обмен веществ разрушает их, в случае же органических тел он является необходимым условием их существования»[41].

Факт органического обмена веществ есть, таким образом, фундаментальный факт жизни. Именно из этого факта вытекают все прочие функции органической материи: поддержа-

---

[40] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 616.

[41] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 616.

ние жизни, рост, размножение. В его основе лежит, как мы видели, общее свойство всякого живого тела – свойство самовосстановления, в котором выражается качественно особая форма его существования.

Поэтому возникновение жизни есть прежде всего возникновение нового отношения процесса взаимодействия к сохранению существования самих взаимодействующих тел. В неживой природе процесс взаимодействия тел есть процесс непрерывного, ни на одно мгновение не прекращающегося, то более медленного, то более быстрого изменения этих тел, их разрушения как таковых и превращения их в иные тела.

«Скала, – говорит Энгельс, – подвергшаяся выветриванию, уже больше не скала; металл в результате окисления превращается в ржавчину»[42]. Взаимодействие неорганических тел является, следовательно, причиной того, что они «перестают быть тем, чем они были»[43]. Наоборот, прекращение всякого взаимодействия (если бы это было физически возможно) привело бы неорганическое тело к сохранению его как такового, к тому, что оно постоянно оставалось бы самим собой.

Противоположное этому отношение процесса взаимодействия к сохранению существования взаимодействующих тел мы находим в органическом мире. Если всякое неорганическое тело в результате взаимодействия перестает быть тем,

---

[42] Там же. С. 83.

[43] Там же.

чем оно было, то для живых тел их взаимодействие с другими телами является, как мы видели, необходимым условием для того, чтобы они продолжали свое существование.

«То, что в мертвых телах является причиной разрушения, у белка становится *основным условием существования»*[44], – так говорит об этом Энгельс. Наоборот, прекращение или нарушение взаимодействия органических тел с другими окружающими их телами приводит к их распаду и гибели.

Таким образом, переход от процессов взаимодействия в неорганическом мире к процессам взаимодействия как форме существования живых тел связан с коронным изменением принципиального отношения между процессом взаимодействия и сохранением существования взаимодействующих тел. Это отношение обращается в противоположное. Вместе с тем то новое отношение, которое характеризует жизнь, не просто, не механически становится на место прежнего. Оно устанавливается *на основе* этого прежнего отношения, которое сохраняется для *отдельных элементов* живого тела, находящихся в процессе постоянного разрушения и возобновления. Ведь живое взаимодействующее тело остается как целое самим собой именно в силу того факта, что отдельные его частицы распадаются и возникают вновь. Значит, можно сказать, что то новое отношение, которое характеризует жизнь, не просто устраняет прежнее отношение

---

[44] Там же.

между процессом взаимодействия и существованием взаимодействующего тела, но диалектически снимает его.

Это коренное изменение, образующее узел, скачок в развитии материи при переходе от неорганических ее форм к органическим живым ее формам, выражается еще с одной, весьма важной стороны.

Если рассматривать какой-нибудь процесс взаимодействия в неорганическом мире, то оказывается, что оба взаимодействующих тела стоят в принципиально одинаковом отношении к этому процессу. Иначе говоря, в неорганическом мире невозможно различить, какое тело является в данном процессе взаимодействия активным (то есть действующим), а какое – страдательным (то есть подвергающимся действию). Подобное различение имеет здесь лишь совершенно условный смысл. Так, например, когда говорят об одном из механически сталкивающихся между собой физических тел как о теле движущемся, а о другом – как о теле неподвижном, то при этом всегда подразумевается некоторая система, по отношению к которой только и имеют смысл выражения «движущийся» или «неподвижный». С точки же зрения содержания самого процесса тех изменений, которые претерпевают участвующие в нем тела, совершенно безразлично, какое из них является по отношению к данной системе движущимся, а какое – неподвижным. Такое же отношение мы имеем и в случае химического взаимодействия. Безразлично, например, будем ли мы говорить о действии цинка

на серную кислоту или о действии серной кислоты на цинк; в обоих случаях будет одинаково подразумеваться один и тот же химический процесс:

$$Zn + H_2SO_4 = ZnSO_4 + H_2$$

Принципиально другое положение мы наблюдаем в случае взаимодействия органических тел. Совершенно очевидно, что в процессе взаимодействия живого белкового тела с другим каким-нибудь телом, представляющим для него питательное вещество, отношение обоих этих тел к самому процессу взаимодействия будет различным. Поглощаемое тело является предметом воздействия живого тела и уничтожается как таковое. Разумеется, оно, в свою очередь, воздействует на это живое тело, элементы которого также претерпевают изменения. Однако, как мы видели, живое тело сохраняет при этом в нормальных случаях свое существование и сохраняет его именно за счет изменения отдельных своих частиц. Этот специфический процесс самовосстановления не является уже процессом, одинаково принадлежащим обоим взаимодействующим телам, но присущ только живому телу.

«…Жизнь, обмен веществ, происходящий путем питания и выделения, есть самосовершающийся процесс, внутренне присущий, прирожденный своему носителю – белку, про-

цесс, без которого белок не может существовать»[45], – пишет Энгельс.

Можно сказать, что процесс жизни, представляющий собой процесс взаимодействия и обмена между телами, принадлежит, однако, как процесс самовосстановления, т. е. как *жизненный* процесс, только живому телу, которое и является его действительным субъектом.

Таким образом, тот процесс, к которому в неорганическом мире участвующие в нем тела стоят в принципиально одинаковом отношении, превращается на ступени органической жизни в процесс, отношение к которому участвующего в нем живого тела будет существенно иным, чем отношение к нему тела неживого. Для первого его изменение есть активный положительный процесс самосохранения, роста и размножения; для второго его изменения – это пассивный процесс, которому он подвергается извне. Иначе это можно выразить так: переход от тех форм взаимодействия, которые свойственны неорганическому миру, к формам взаимодействия, присущим живой материи, находит свое выражение в факте выделения *субъекта,* с одной стороны, и *объекта* – с другой.

С точки зрения принципиального пути научного исследования жизненных процессов факт выделения активного живого тела, обладающего, по словам Энгельса, «самостоятельной силой реакции», является фактом фундаментально-

---

[45] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 20. С. 83.

го значения. Мы должны будем поэтому специально остановиться на некоторых выводах, которые следуют из этого факта.

Познание всякой вещи возможно лишь в ее отношении к другим вещам, во взаимодействии с ними, в движении. Лишь в движении, во взаимодействии обнаруживает вещь свои свойства. Но познание свойств и есть познание самих вещей. О телах вне движения, вне взаимодействия, вне всякого отношения к другим телам ничего нельзя сказать. «… Если вы знаете все свойства вещи, то вы знаете и самую вещь…»[46].

Итак, свойства какого-либо тела обнаруживаются лишь в отношении его к другим телам. При этом такое отношение не есть, конечно, только умственное, только логическое отношение. Оно есть всегда реальное взаимодействие тел. Верно, что мы познаем, например, степень упругости данного тела в умственном акте, приравнивая его к некоторой единице упругости. Но что лежит в основе этого акта? Всегда, разумеется, практическое испытание данного тела другим телом, обладающим уже известной нам – опять-таки первоначально практически – степенью упругости. Только при этом условии становится возможной и сама умственная операция приравнивания упругости данного тела к избранной нами «степени упругости», и ее выражение в тех или иных единицах измерения или даже в форме простого чувственного впечатле-

[46] Там же. С. 304.

ния. То, следовательно, что есть данное тело, обнаруживается не иначе как в реальном взаимодействии его с другими телами, которые являются предметами этого тела: *непредметное бытие* есть contradictio in adjectum.

«Существо, которое дышит, – писал Л. Фейербах, – *неизбежно* связано с существом, вне его находящимся; его *существенный* объект, то, благодаря чему оно есть то, что оно есть, находится *вне его*;…объект, к которому существо неизбежно относится, есть не что иное, как его *раскрывающаяся сущность*»[47]. Для Фейербаха это отношение есть отношение объективное, а отнюдь не субъективное (не для «Я», а для «не-Я» во мне, говоря языком Фихте, дан объект); это есть отношение реальное, практическое, а не мысленное, не идеальное («вопрос о бытии есть именно практический вопрос», – подчеркивает Фейербах).

Точка зрения Фейербаха была, однако, ограничена тем, что он рассматривал отношения живого существа к предметной действительности как отношения пассивного существа. Поэтому для Фейербаха сущность *всякого* существа исчерпывается совокупностью отношений, в которые оно вступает с предметами окружающего его мира. Однако это действительно так только в том случае, когда мы имеем дело с неорганическими по своему типу отношениями. Сущность мрамора действительно исчерпывается теми многообразны-

---

[47] *Фейербах Л.* Избранные философские произведения: В 2 т. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1955. Т. 1. С. 139, 140.

ми его свойствами, которые он обнаруживает в многообразных же взаимодействиях его с другими телами. По отношению к упругому телу он обнаруживает себя как тело, обладающее упругостью; по отношению к световым лучам – как тело, отражающее световые волны тех или иных частот; по отношению к электричеству – как диэлектрик, обладающий определенной диэлектрической постоянной; по отношению к кислоте – как совокупность молекул, распадающихся с выделением углекислого газа, и т. д. и т. п. В совокупности этих многосторонних проявлений и выступают особенности его внутреннего строения, законы присущих ему форм взаимодействий, короче говоря, то, что он *есть*.

Другое дело, когда взаимодействующее тело является живым существом, когда его отношения к другим телам являются активными отношениями, опосредствованными присущими ему внутренними состояниями и процессами. Нельзя, конечно, сказать, что гибель растения во время лесного пожара выражает его сущность как *живого* тела. Те его свойства, которые оно при этом обнаруживает, хотя принадлежат ему, но еще не характеризуют существенно самой жизни, его сущности как *субъекта жизненного процесса*. Его сущность как живого растения раскрывается не непосредственно в способности его клеток терять влажность и обугливаться, но, наоборот, в том, что оно способно при чрезмерном повышении температуры свертывать свои листья, изменять просвет их устьичных отверстий и прочее, т. е. как раз в фак-

те активного противодействия влиянию перегревания. Живое существо, «осуществляя» себя в своих предметах, активно утверждает свое существование, свою жизнь. Даже сама его смерть есть в нормальных случаях не что иное, как естественный результат его жизни. Значит, нельзя рассматривать бытие живого существа лишь объективно, т. е. не с точки зрения утверждающего свою жизнь субъекта, а как пассивный для него, хотя и чувственный (в обоих значениях этого слова) процесс. Такое рассмотрение неизбежно должно привести – и действительно привело Фейербаха – к отождествлению сущности субъекта и его бытия: «*Что составляет мою сущность, то и есть мое бытие*»[48].

Ошибка Фейербаха заключалась в том, что даже человека он рассматривал лишь как пассивную вещь, как «чувственный предмет», а не как «чувственную деятельность», не субъективно.

Человеческая жизнь, человеческая «субъективность» – это, конечно, особенная жизнь, особенная субъективность. Человек сам создает условия своего существования, а не находит их готовыми в природе. Но, и отвлекаясь от этой особенности *человеческой* жизни, т. е. говоря о жизни в ее *всеобщей* форме, мы должны сохранить точку зрения признания активности субъекта. Для *всякого* живого существа предмет есть не только то, в отношении к чему обнаруживает себя то или иное его свойство, но также и «утверждающий его

---

[48] *Фейербах Л.* Избранные философские произведения. С. 173.

жизнь предмет», предмет, по отношению к которому живое существо является не только страдательным, но и деятельным, стремящимся или *страстным*.

Для солнца зеленое растение есть предмет, в котором обнаруживается его животворная сила, но растение не утверждает, практически не определяет бытия солнца, и солнце не стремится к растению. Для растения же солнце есть не только предмет, обнаруживающий свойство растения ассимилировать углекислоту за счет энергии солнечных лучей, но и первейшее условие его жизни, предмет, к которому оно активно, деятельно стремится. Растение выгибает по направлению к солнцу свой стебель, протягивает ветви, обращается поверхностью своих листьев. Эти движения растения не являются *прямым* результатом воздействия единственно самих солнечных лучей. Они определяются общим состоянием растения в связи также с другими жизненными процессами: при известных внутренних условиях у того же растения ветви под влиянием солнца поникают, а листья свертываются; возникает совершенно иная картина – растение «отвертывается» от солнца.

Таким образом, отмеченное нами выше принципиальное изменение отношения процесса взаимодействия к существованию взаимодействующих тел, которое наблюдается при переходе к живой материи, находит, с другой стороны, свое выражение в изменении отношения существа и его предмета. Это отношение тоже не является неизменным, но является

отношением развивающимся. Оно иное для мира неорганического и иное для мира органического; оно опять-таки иное у животного и иное у человека.

Поэтому, рассматривая процессы, осуществляющие специфические отношения субъекта к окружающей его предметной действительности, необходимо с самого начала отличать их от других процессов. Так, например, если поместить одноклеточную водоросль в достаточно концентрированный раствор кислоты, то она тотчас же погибнет; однако можно допустить, что сам организм при этом не обнаружит по отношению к данному воздействующему на него веществу никакой активной реакции. Это воздействие будет, следовательно, объективно отрицательным, разрушающим организм, с точки зрения же реактивности самого организма оно может быть нейтральным. Другое дело, если мы будем воздействовать сходным образом, например, на амебу; в условиях приливания в окружающую ее воду кислоты амеба втягивает свои псевдоподии, принимает форму шара и т. д., т. е. обнаруживает известную активную реакцию. Таковы же, например, и реакции выделения слизи у некоторых корненожек, двигательная реакция инфузорий и т. д. Таким образом, в данном случае объективно отрицательное воздействие является отрицательным также и в отношении вызываемой им активности организма. Хотя конечный результат в обоих этих случаях может оказаться одинаковым, однако сами процессы являются здесь глубоко различными. Такое же различие

существует и в отношениях организмов к объективно положительным воздействиям.

Необходимость этого различения приходится специально отмечать потому, что вопреки очевидности оно далеко не всегда учитывается. Ведь именно этому обязаны своим появлением крайние механические теории, для которых тот факт, что организм, повинуясь силе тяготения, движется по направлению к центру земли, и тот факт, что он активно стремится к пище, суть факты принципиально однопорядковые.

Те специфические процессы, которые осуществляют то или иное жизненное, т. е. активное отношение субъекта к действительности, мы будем называть в отличие от других процессов процессами *деятельности.*

Соответственно мы ограничиваем и понятие предмета. Обычно это понятие употребляется в двояком значении: в более широком значении – как вещь, стоявшая в каком-либо отношении к другим вещам, т. е. как «вещь, имеющая существование», и в более узком значении – как нечто противостоящее (нем. Gegenstand), сопротивляющееся (лат. objectum), то, на что направлен акт (русск. «предмет»), т. е. как нечто, к чему относится именно живое существо, как *предмет его деятельности* – безразлично, деятельности внешней или внутренней (например, *предмет питания, предмет труда, предмет размышления* и т. п.). В дальнейшем мы будем пользоваться термином *предмет* именно

в этом более узком, специальном его значении.

Всякая деятельность организма направлена на тот или иной предмет; непредметная деятельность невозможна. Поэтому рассмотрение деятельности требует выделения того, что является ее действительным предметом, т. е. предмета активного отношения организма.

Так, например, все низшие фильтровальщики (некоторые живущие в воде личинки, веслоногие рачки, все оболочечники и др.) способны, как известно, изменять свою активность в связи с изменением окружающей водной среды; при этом в некоторых случаях можно с уверенностью утверждать, что данное изменение активности организма специфически связано с определенным воздействующим свойством среды, например с большим или меньшим скоплением в ней питательного вещества. Представим себе, однако, что мы искусственно изменили среду, например, дафнии, поместив ее в воду, лишенную питательного для нее планктона, но содержащую частицы какого-либо нейтрального неорганического вещества, причем дафния реагировала на это ослаблением движений, создающих ток воды по ее брюшной щели. Отвечает ли наблюдаемое ослабление ее фильтровальных движений отсутствию в среде планктического вещества, или же оно, наоборот, отвечает на наличие в ней неусваиваемых частиц, или, наконец, оно зависит от каких-нибудь еще других, не учтенных нами моментов? Только умея ответить на этот вопрос, мы сможем судить и о том, *какое* именно

свойство среды является предметом деятельности дафнии, т. е. с какого рода отношением мы имеем здесь дело.

Итак, *основной «единицей» жизненного процесса является деятельность организма; различные деятельности, осуществляющие многообразные жизненные отношения организма к окружающей действительности, существенно определяются их предметом; поэтому мы будем различать отдельные виды деятельности по различию их предметов.*

2

Главная особенность процесса взаимодействия живых организмов с окружающей их средой заключается, как мы видели, в том, что всякий ответ (реакция) организма на внешнее воздействие является активным процессом, т. е. совершается за счет энергии самого организма.

Свойство организмов приходить под влиянием воздействий среды в состояние деятельности, т. е. свойство раздражимости, есть фундаментальное свойство всякой живой материи; оно является необходимым условием обмена веществ, а значит, и самой жизни.

Что же представляет собой процесс жизни в его простейших, начальных формах?

Согласно современным научным представлениям, примитивные, первые жизнеспособные организмы представляли собой протоплазматические тела, взвешенные в водной сре-

де, которая обладает рядом свойств, допускающих наиболее простую форму обмена веществ и наиболее простое строение самих организмов: однородностью, способностью растворения веществ, необходимых для поддержания простейшей жизни, относительно большой теплоустойчивостью и пр. С другой стороны, и сами эти примитивные организмы также обладали такими свойствами, которые обеспечивали возможность наиболее простого взаимодействия их со средой. Так, по отношению к первоорганизмам необходимо допустить, что они получали пищевые вещества из окружающей среды путем прямой адсорбции; их деятельность выражалась, следовательно, лишь в форме внутренних движений, обслуживающих процессы промежуточного преобразования и непосредственного усвоения ассимилируемых веществ[49]. А это значит, что в нормальных случаях и диссимилятивные процессы происходили у них лишь в связи с такими воздействиями, которые способны *сами по себе* определить положительно или отрицательно процесс ассимиляции, процесс поддержания жизни.

Таким образом, для того чтобы жизнь в ее простейшей форме могла осуществляться, необходимо и достаточно, чтобы живое тело было раздражимо по отношению к таким воздействующим веществам или формам энергии, которые в результате ряда последующих преобразований внутри орга-

---

[49] См.: *Опарин А.И.* Возникновение жизни на Земле. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.

низма могли бы привести к процессу ассимиляции, способному компенсировать распад (диссимиляцию) собственного вещества организма, за счет энергии которого протекает реакция, вызываемая самими этими воздействиями.

Иначе говоря, чтобы жизнь простейшего протоплазматического тела – первобытной коацерватной капельки или «протамебы» – могла осуществляться, необходимо, чтобы оно могло усваивать из окружающей среды соответствующее вещество или энергию. Но процесс ассимиляции осуществляется лишь в результате деятельности самого организма. Безразлично, протекает ли эта деятельность организма в форме только внутреннего или также и внешнего движения, но она всегда должна быть и она всегда происходит за счет частичного распада и падения энергетического потенциала составляющих его частиц, т. е. за счет диссимиляции. Ведь всякий раз, когда мы имеем некоторое внешнее воздействие, приводящее к ассимиляции, мы также имеем и некоторую диссимиляцию, связанную с деятельностью организма, вызываемой данным воздействием. Если при этом ассимиляция будет превышать диссимиляцию, то мы будем наблюдать явление роста и – после известного предела – явление размножения. Если же, наоборот, диссимиляция не будет компенсироваться ассимиляцией, то мы будем наблюдать явление распада организма, так как недостаток ассимилянтов, поступающих извне, будет в этом случае покрываться за счет процесса «самопотребления» организма.

Можем ли мы допустить в качестве *необходимых* для простейшей жизни также такие виды деятельности, при которых энергетические траты организма, связанные с процессами, вызываемыми тем или иным воздействием, ни в какой степени не могут быть восстановлены за счет данного воздействующего свойства (вещества или энергии)? Разумеется, нет. Более того, такую деятельность в условиях простейшей жизни мы не можем считать и сколько-нибудь устойчиво возможной.

Таким образом, мы можем прийти к следующей весьма важной для нас констатации: для осуществления жизни в ее наиболее простой форме достаточно, чтобы организм отвечал активными процессами лишь на такие воздействия, которые способны сами по себе определить (положительно или отрицательно) процесс поддержания их жизни.

Очевидно также, что простейшие жизнеспособные организмы не обладают ни специализированными органами поглощения, ни специализированными органами движения. Что же касается их функций, то та основная общая функция, которая является существенно необходимой, и есть то, что можно было бы назвать *простой раздражимостью,* выражающейся в способности организма отвечать специфическими процессами на то или другое жизненно значимое воздействие.

Эта форма взаимодействия со средой простейших организмов в дальнейшем развитии не сохраняется неизменной.

Процесс биологической эволюции, совершающийся в форме постоянной борьбы наследственности и приспособления, выражается во все большем усложнении процессов, осуществляющих обмен веществ между организмом и средой. Эти процессы усложняются, в частности, в том отношении, что более высокоразвитые организмы оказываются в состоянии поддерживать свою жизнь за счет все большего числа ассимилируемых ими из внешней среды веществ и форм энергии. Возникают сложные цепи процессов, поддерживающих жизнь организмов, и специализированные, связанные между собой виды раздражимости по отношению к соответствующим внешним воздействиям.

Развитие жизнедеятельности организмов, однако, не сводится только к такому, прежде всего количественному, ее усложнению.

В ходе прогрессивной эволюции на основе усложнения процессов обмена веществ происходит также изменение общего типа взаимодействия организмов и среды. Деятельность организмов качественно изменяется: возникает качественно новая форма взаимодействия, качественно новая форма жизни.

Анализ чисто фактического положения вещей показывает, что в ходе дальнейшего развития раздражимость развивается не только в том направлении, что организмы делаются способными использовать для поддержания своей жизни все новые и новые источники, все новые и новые свойства

среды, но также и в том направлении, что организмы становятся раздражимыми и по отношению к таким воздействиям, которые *сами по себе* не в состоянии определить ни положительно, ни отрицательно их ассимилятивную деятельность, обмен веществ с внешней средой. Так, например, лягушка ориентирует свое тело в направлении донесшегося до нее легкого шороха; она, следовательно, раздражима по отношению к данному воздействию. Однако энергия звука шороха, воздействующая на организм лягушки, ни на одной из ступеней своего преобразования в организме не ассимилируется им и вообще прямо не участвует в его ассимилятивной деятельности. Иначе говоря, само по себе данное воздействие не может служить поддержанию жизни организма, и, наоборот, оно вызывает лишь диссимиляцию вещества организма.

В чем же в таком случае заключается жизненная, биологическая роль раздражимости организмов по отношению к такого рода воздействиям? Она заключается в том, что, отвечая определенными процессами на эти сами по себе непосредственно жизненно незначимые воздействия, животное приближает себя к возможности усвоения необходимого для поддержания его жизни вещества и энергии (например, к возможности схватывания или поглощения шуршащего в траве насекомого, вещество которого служит ему пищей).

Рассматриваемая новая форма раздражимости, свойственная более высокоорганизованным животным, играет,

следовательно, положительную биологическую роль в силу того, что она опосредствует деятельность организма, направленную на поддержание жизни.

Схематически это изменение формы взаимодействия организмов со средой может быть выражено так: на известном этапе биологической эволюции организм вступает в активные отношения также с такими воздействиями (назовем их воздействиями типа α), биологическая роль которых определяется их объективной устойчивой связью с непосредственно биологически значимыми воздействиями (назовем эти последние воздействиями типа *a*). Иначе говоря, возникает деятельность, специфическая особенность которой заключается в том, что ее предмет определяется не его собственным отношением к жизни организма, но его объективным отношением к другим свойствам, к другим воздействиям, т. е. отношением α:*a*.

Что же обозначает собой это наступающее изменение формы жизни с точки зрения функций организма и его строения? Очевидно, организм должен обнаруживать теперь процессы раздражимости двоякого рода: с одной стороны, раздражимость по отношению к воздействиям, *непосредственно* необходимым для поддержания его жизни (*a*), а с другой стороны, раздражимость по отношению также и к таким свойствам среды, которые непосредственно не связаны с поддержанием его жизни (α).

Нужно отметить, что этому факту – факту появления раз-

дражимости, соотносящей организм с такими воздействующими свойствами среды, которые не в состоянии сами по себе определить жизнь организма, – долго не придавалось сколько-нибудь существенного значения. Впервые оно было выделено И.П. Павловым. Среди зарубежных авторов только Ч. Чайльд достаточно отчетливо указывал на принципиальное значение этого факта; правда, при этом автора интересовала несколько другая сторона дела, чем та, которая интересует нас, но все же этот факт им специально подчеркивается[50]. С точки же зрения нашей проблемы этот факт является фактом по-настоящему решающим.

Первое и основное допущение нашей гипотезы заключается именно в том, что функция процессов, опосредствующих деятельность организма, направленную на поддержание его жизни, и есть не что иное, как функция *чувствительности,* т. е. способность ощущения.

С другой стороны, те временные или постоянные органы, которые суть органы преобразования, осуществляющие процессы связи организма с такими воздействиями, которые объективно связаны в среде с воздействиями, необходимыми для поддержания жизни, но которые сами по себе не могут выполнить этой функции, суть не что иное, как органы чувствительности. Наконец, те специфические процессы организма, которые возникают в результате осуществления той

---

[50] *Child C.M.* The Origin and Development of the Nervous System. Chicago: University of Chicago Press, 1921. p. 21.

формы раздражимости, которую мы назвали чувствительностью, и суть процессы, образующие основу явлений ощущения.

Итак, мы можем предварительно определить чувствительность следующим образом: чувствительность (способность к ощущению) есть генетически не что иное, как раздражимость по отношению к такого рода воздействиям среды, которые соотносят организм с другими воздействиями, т. е. которые *ориентируют организм в среде,* выполняя сигнальную функцию. Необходимость возникновения этой формы раздражимости заключается в том, что она опосредствует основные жизненные процессы организма, протекающие теперь в более сложных условиях среды.

Процессы чувствительности могут возникнуть и удержаться в ходе биологической эволюции, конечно, лишь при условии, если они вызываются такими свойствами среды, которые объективно связаны со свойствами, непосредственно биологически значимыми для животных; в противном случае их существование ничем не было бы биологически оправдано, и они должны были бы видоизмениться или исчезнуть вовсе. Они, следовательно, необходимо должны соответствовать объективным свойствам окружающей среды и *правильно отражать их в соответствующих связях.* Так, в нашем примере с лягушкой те процессы, которые вызываются у нее шорохом, отражают собой особенности данного воздействующего звука в его устойчивой связи с движением

насекомых, служащих для нее пищей.

Первоначально чувствительность животных, по-видимому, является малодифференцированной. Однако ее развитие необходимо приводит к тому, что одни воздействия все более точно дифференцируются от других (например, звук шороха от всяких иных звуков), так что воздействующие свойства среды вызывают у животного процессы, отражающие эти воздействия в их отличии от других воздействий, в качественном их своеобразии, в их специфике. Недифференцированная чувствительность превращается в чувствительность все более дифференцированную, возникают дифференцированные *ощущения.*

Как же происходит переход от раздражимости, присущей всякому живому телу, к первичной чувствительности, а затем и к дифференцированным ощущениям, которые являются свойством уже значительно более высокоорганизованных животных? Вспомним, что процессы, осуществляющие обмен веществ, усложняются в ходе биологического развития в том отношении, что для осуществления ассимиляции веществ из внешней среды становится необходимым воздействие на организм целого ряда различных веществ и форм энергий. При этом отдельные процессы, вызываемые этими различными воздействиями, являются, конечно, взаимозависимыми и обусловливающими друг друга; они образуют *единый* сложный процесс обмена веществ между организмом и средой. Поэтому можно предположить, что некото-

рые из этих необходимых для жизни организма воздействий, естественно, выступают вместе с тем в роли воздействий, побуждающих и направляющих процессы, соотносящие организм с другими воздействиями, т. е. начинают нести *двоякую* функцию. В ходе дальнейшей эволюции, в связи с изменением среды, источников питания и соответствующим изменением строения самих организмов, самостоятельная роль некоторых из этих прежде значимых самих по себе воздействий становится малосущественной или даже утрачивается вовсе, в то время как их влияние на другие процессы, осуществляющие отношение организма к таким свойствам среды, от которых непосредственно зависит его жизнь, сохраняется. Они, следовательно, превращаются теперь в воздействия, лишь опосредствующие осуществление основных жизненных процессов организма.

Соответственно и органы-преобразователи, которые прежде несли функцию внешнего обмена веществ, утрачивают теперь данную функцию; при этом их раздражимость сохраняется, и они превращаются в органы чувствительности. Значит, судить о том, является ли данный орган у простейших животных органом внешнего обмена или органом чувствительности, можно только исходя из анализа той роли, которую выполняют связанные с ним процессы.

Например, у некоторых зеленых растений описаны клетки, собирающие лучи света в местах скопления хлоропласта

(так называемые клетки Хаберландта)[51]. Являются ли они, однако, органами чувствительности? Как известно, зеленые растения усваивают энергию солнечных лучей, за счет которой и происходит синтез веществ, поступающих в растение из внешней среды. Допустим, что рассматриваемые органы действительно являются органами, в которых совершается определенный этап преобразования энергии света. Но в результате последующей сложной цепи процессов данное воздействие приводит к образованию или восстановлению вещества растения. Эти клетки, следовательно, суть органы внешнего обмена веществ.

Другое дело, когда орган, раздражимый по отношению к свету, дает начало таким преобразованиям воздействующей энергии, которые не сами по себе ведут к поддержанию жизни организма, но лишь связывают организм с другими воздействиями, т. е. посредствуют его отношение к ним. Таковы, например, специальные органы преобразования света у животных, стоящих на более высоких ступенях эволюции, – органы светочувствительности, светоощущения.

Итак, переход от первичной раздражимости к той особой ее форме, которую мы называем чувствительностью, происходит на основе процесса усложнения и расширения, а с другой стороны, сужения функций органов, приводящих к их специализации в качестве органов чувствительности.

Что же является тем главным условием, благодаря кото-

---

[51] См.: *Хаберландт Г.* Органы чувств у растений. СПб., 1907.

рому у животных возникает чувствительность и развиваются специализированные органы чувствительности – органы ощущений? Можно думать, что таким главным, решающим для возникновения чувствительности условием является переход от жизни в однородной среде к жизни в более сложной среде дискретных предметов, переход от неоформленных к вещно оформленным источникам жизни.

Говоря о вещно не оформленных источниках жизни, мы разумеем такие источники, поддерживающие существование организмов, как, например, химические вещества, растворенные в водной среде, в которой живет данный организм, как энергия света или тепловая энергия. Специфическая черта такого рода источников жизни организмов заключается в том, что эти источники представляют собой свойства среды, способные вызвать у организма активные процессы, лишь воздействуя на него сами по себе, т. е. непосредственно.

Наоборот, вещно оформленная среда, вещно оформленные источники жизни выступают для организма не только своими свойствами, способными оказать на него то или иное биологическое действие, но также такими устойчиво связанными с ними свойствами, как, например, форма, цвет и т. п., которые, будучи биологически нейтральными, вместе с тем объективно посредствуют существенные для жизни свойства данного оформленного вещества. Оформленное тело, прежде чем оказать воздействие на организм своими

химическими свойствами, например как пищевое вещество, воздействует на него другими своими свойствами – как обладающее объемом, упругостью и пр. Это создает объективную необходимость возникновения опосредствованных отношений к среде также со стороны самих животных. Переход к существованию в условиях сложной вещно оформленной среды выражается поэтому в том, что приспособление к ней организмов приобретает качественно новую форму, связанную с отражением свойств вещной, объективно-предметной действительности.

Иначе это можно выразить так: возникновение чувствительности связано с переходом организмов из гомогенной среды, из «среды-стихии» в вещно оформленную – в среду дискретных предметов. Теперь приспособление организмов, которое всегда, разумеется, является своеобразным отражением ими свойств среды, приобретает также форму отражения воздействующих свойств среды *в их объективных связях и отношениях.* Это и есть специфическая для психики форма отражения, отражение *предметное.* Ведь предмет – материальная вещь – всегда обладает рядом взаимосвязанных свойств; в этом смысле это всегда «узел» свойств.

Таким образом, на определенном этапе биологического развития прежде единый сложный процесс взаимодействия, осуществляющий жизнь организмов, как бы раздваивается. Одни воздействия внешней среды выступают для организма как определяющие (положительно или отрицательно) само

его существование; другие – лишь как побуждающие и направляющие его деятельность.

Соответственно раздваивается и сама жизнедеятельность организмов.

С одной стороны, выделяются процессы, с которыми непосредственно связаны поддержание и сохранение жизни. Эти процессы составляют первую, исходную форму жизнедеятельности организмов. В ее основе лежат явления первичной раздражимости организмов.

С другой стороны, выделяются процессы, прямо не несущие функции поддержания жизни и лишь опосредствующие связи организма с теми свойствами среды, от которых зависит его существование. Они составляют особую форму жизнедеятельности, которая и лежит в основе чувствительности организмов, психического отражения ими свойств внешней среды[52].

Процессы, составляющие обе эти формы жизнедеятельности организмов, находятся в сложном динамическом соотношении, так что возможно возникновение противоречия между ними.

Обратимся к примеру. Если перед жабой привести в движение маленький кусочек белой бумажки, прикрепленной к концу волоска, то жаба делает попытки схватить бумажку, т. е. реагирует на зрительно воспринимаемое движение

---

[52] Эта гипотеза о генезисе и природе чувствительности была разработана автором совместно с А.В. Запорожцем (1936).

как на движение мотылька. Воздействие движущейся бумажки, являющейся источником отражаемых ею лучей света, побуждает деятельность животного. Это деятельность, связанная с чувствительностью. Сделаем, однако, так, чтобы жаба не смогла схватить бумажку, например поместим между животным и движущейся бумажкой зеркальное стекло (жаба зрительно не замечает стеклянной перегородки). Оказывается, что при этом условии попытки схватить бумажку продолжаются довольно долго и лишь затем постепенно прекращаются. Это объясняется тем, что в нормальных условиях существования жабы данное воздействие достаточно устойчиво связано с другими свойствами, которыми обладают мотыльки, служащие ей пищей, т. е. такими свойствами, которые позволяют осуществиться процессам, составляющим основную форму жизнедеятельности, – тем, от которых непосредственно зависит существование животного[53].

Приведенные наблюдения показывают, что те свойства, по отношению к которым данное животное является чувствительным и воздействие которых побуждает процессы, составляющие первую форму жизнедеятельности, могут отделяться от тех свойств, с которыми связано осуществление второй ее формы. Например, цвет вещества может быть отделен от его пищевых свойств. Соответственно отделяются и сами процессы, составляющие содержание первой формы

---

[53] В приведенном примере использован факт из экспериментального исследования, описанного Ф. Бойтендейком.

жизнедеятельности животных, от процессов, составляющих содержание второй ее формы.

Следует отметить, что вообще если те или иные процессы (и раздражители, которые их вызывают) могут быть отделены от процессов (и раздражителей), непосредственно выполняющих функцию поддержания жизни, то это является признаком того, что они связаны с явлениями чувствительности; если же такое отделение невозможно, то это значит, что в основе данных процессов лежит первичная раздражимость организма. Возможность отделения этих процессов друг от друга и создает возможность несоответствия между ними, создает новую форму противоречия в жизнедеятельности организма в целом.

Возвратимся к приведенному выше опыту с жабой. Вызванная нашим воздействием деятельность жабы, как и всякая деятельность живого организма, происходит за счет диссимиляции. В нормальных условиях эта деятельность приводит в дальнейшем к захватыванию, поглощению и ассимиляции жабой части вещества насекомого.

Иначе обстоит дело в описанном нами случае. Захваченная жабой бумажка не может быть ассимилирована и, следовательно, не может привести ни прямо, ни косвенно к восстановлению вещества, диссимилированного ее организмом в процессе предшествующей деятельности. Иначе говоря, деятельность животного, направленная в целом на поддержание его жизни, ведет в данных условиях к противоположно-

му результату – к истощению организма, а в случае если это соотношение процессов сохранится в дальнейшей деятельности животного, то и к его гибели.

Как же может разрешиться это противоречие? Оно может разрешиться только одним-единственным способом, а именно: путем изменения и перестройки процессов, составляющих первую форму жизнедеятельности животного. Так, если мы продолжим наш опыт с жабой и дадим ей теперь схватить бумажку, то она выбросит ее изо рта и немедленно прекратит дальнейшие попытки овладеть ею. Однако если вслед за этим показать ей настоящего мотылька, то она вновь возобновляет свои попытки, причем в результате многократного повторения таких опытов она будет схватывать только настоящих мотыльков и как бы вовсе не замечать движущуюся бумажку. А это значит, что отражение ею воздействующих свойств, побуждающих деятельность (форма, цвет, характер движения), стало более дифференцированным.

Итак, существенной характеристикой деятельности, связанной с чувствительностью, со способностью ощущения, является несовпадение, с одной стороны, тех свойств среды, которые отражаются и побуждают деятельность животного, а с другой стороны, тех свойств, которые, воздействуя на животное в результате данной его деятельности, определяют собой – ту или другую сторону, положительно или отрицательно – поддержание его существования.

Развитие этого несовпадения в процессе приспособления

животных к изменчивой, все более многообразной по своим свойствам среде и приводит к дальнейшему усложнению отражения ими окружающей внешней действительности, к дальнейшему развитию их психики.

3

Для решения вопроса о генезисе зачаточной психики мы пошли не путем рассмотрения отдельно взятых функций и органов, но путем анализа и характеристики целостных форм жизни. Мы нашли при этом, что существуют две основные качественно различные формы жизни. Одну из них, простейшую, можно было бы назвать допсихической жизнью. Другая является жизнью, связанной с отражением свойств действительности в их объективных связях и отношениях, жизнью, опосредствованной ощущением. Переход к этой форме жизни и есть, очевидно, не что иное, как переход от деятельности допсихической, т. е. не опосредствованной отражением предметной действительности, к деятельности, опосредствованной психическим отражением.

Таким образом, психика, психическая деятельность выступила для нас не как нечто прибавляющееся к жизни, но как своеобразная форма проявления жизни, необходимо возникающая в ходе ее развития.

Конечно, то решение проблемы возникновения психики, которое мы наметили, является лишь предварительным на-

учным предположением. Поэтому нам нужно будет специально остановиться на анализе этого предположения с тем, чтобы дать себе отчет, насколько оно вероятно и с теоретической стороны, и со стороны чисто фактической.

Рассмотрим прежде всего эту гипотезу с точки зрения принципиального решения проблемы генезиса психического отражения.

Первое, что вытекает из изложенного выше понимания процесса жизни, – это тот факт, что всякого рода изменения, претерпеваемые организмом в процессе его взаимодействия со средой, суть изменения пластические, безразлично, будь то изменения отдельных его мицелл или изменения целых структурных образований. Значит, с *этой стороны* состояния организма, отражающие внешние воздействия, принципиально ничем не отличаются от тех, тоже отражающих внешние воздействия состояний, которые присущи и неорганическим телам. Действительное различие между этими состояниями неорганических и органических тел открывается нам с совершенно другой стороны. В противоположность тому, что мы наблюдаем в мире неорганических отношений, для живого организма необходимое условие его изменения под влиянием того или иного воздействия состоит в том, чтобы им самим была осуществлена в связи с этим воздействием определенная деятельность (хотя бы и в форме внутренних движений); способность к такой деятельности и есть не что иное, как свойство раздражимости. Таким образом,

результат воздействия на организм определяется не только воздействующим свойством, но также существенно зависит и от процессов самого организма, которыми он специфически отзывается на данное воздействие.

Влияние солнечных лучей всегда так или иначе отражается на зеленом растении. Однако растение может совершенно по-разному отзываться на ту или иную степень освещенности, которой его подвергают. Если состояние его хлорофильного преобразователя таково, что процессы, преобразующие энергию воздействующих солнечных лучей, могут нормально осуществляться, и если при этом возможен процесс усвоения угольной кислоты с образованием соответствующего комплексного соединения, то только тогда освещение растения будет иметь своим результатом преобразование этого соединения в более энергетически напряженную структуру. В противном случае влияние освещения отразится на растении совершенно иначе и сведется, например, отчасти к простому нагреванию клетки, а отчасти к ряду других побочных изменений.

Значит, в противоположность явлениям отражения в неорганическом мире отражение того или иного воздействия живым организмом необходимо опосредствовано деятельностью самого организма. Поэтому оно никогда не является пассивным процессом.

При этом необходимо подчеркнуть, что, устанавливая зависимость результата внешнего воздействия на организм от

его состояния и связанных с ним процессов, мы вскрываем только одну сторону существующего соотношения и к тому же движемся в направлении, *обратном* реальной генетической зависимости – зависимости самих состояний и процессов организма от повторяющихся воздействий на него со стороны внешней среды. Но именно эта зависимость, выражающая то свойство организмов, которое называется способностью *приспособления,* и лежит в основе вышеуказанной обратной зависимости. Следовательно, поскольку изменения строения, состояний и процессов живого тела, а значит, и его деятельности определяются внешними воздействиями, то можно сказать, что уже *сама его организация и его деятельность являются отражением объективных свойств окружающей среды.*

Итак, в противоположность неорганическим телам живое тело не пассивно «подвергается воздействию», но испытывает те или иные внешние воздействия в процессе своей деятельности, направленной на поддержание жизни; в силу этого и самый процесс его изменения, отражающий объективные свойства окружающей среды, есть также процесс направленный, «пристрастный», т. е. такой процесс, который неразрывно связан с самим существованием живого тела, который составляет его существеннейшее и необходимейшее условие: ведь тело, не способное «пристрастно» отражать внешние воздействия, не способно к приспособлению; такое тело не может развивать своей жизни, не может жить.

Между свойством, сходным с ощущением, – свойством отражения, присущим всей, в том числе и неорганической, материи, и ощущением *как* простейшей формой психического отражения лежит путь длительного развития. Уже при переходе к органическому миру возникает качественно новая, более высокая и сложная форма отражения. Эта новая форма отражения является, однако, более высокой вовсе не в смысле большей точности отражения в зеркале по сравнению, например, с отражением в воде ручья или большей прочности отпечатка, высеченного на камне, по сравнению с отпечатком на глине. Развитие отражения при переходе к живой материи выражается в том, что первоначально оно как раз утрачивает тот характер прямого отпечатка, который встречается в некоторых случаях отражения в неорганическом мире. Но оно утрачивает вместе с тем и свой пассивный, мертвенный и случайный характер. Оно впервые становится необходимым условием самого существования тела. Главное, оно становится способным к дальнейшему качественному изменению и специализации, происходящей вместе с изменением и специализацией тех жизненных процессов, с которыми оно теперь внутренне связано. Поэтому оно вновь способно приобрести в дальнейшем развитии с возникновением психической жизни точность зеркального отражения; впрочем, оно скорее становится похожим теперь на отражение в том сказочном зеркале, в котором можно увидеть не только происходящее прямо перед ним, но и весь ре-

альный мир, даже и то, что никогда непосредственно не отбрасывало на него своих лучей.

Изменение процесса отражения при переходе к живой материи, обладающей способностью ощущения, и состоит в том, что если в случае прямых, непосредственных процессов обмена динамические состояния, испытываемые организмом, определяются только отношением воздействующего свойства к самому организму, то в случае опосредствованных жизненных процессов связанные с ними состояния хотя и являются принадлежащими субъекту, но они определены тем объективным соотношением свойств среды, которые опосредствуют эти его процессы. Именно поэтому эти отношения объективируются и приобретают характер субъективного отражения объективных свойств внешней действительности. Ведь *как объективное* данное свойство может выступить для субъекта только в отношении к другому объективному же свойству, а не непосредственно к самому субъекту. Для того же, чтобы оно было отражено субъектом вместе с тем и как объективное, необходимо, чтобы оба этих отношения были представлены в единстве. Впервые единство этих отношений мы и находим в той форме жизни, которая осуществляется деятельностью субъекта, опосредствованной объективными связями свойств действительности. Согласно развиваемой нами гипотезе, это и есть жизнь, внутренне связанная с высшим типом отражения – отражением психическим, элементарную форму которого составля-

ют явления простейшей чувствительности. Противоречивый же характер конкретного единства этих отношений есть то, что создает необходимость дальнейшего развития, необходимость все более правильного и полного отражения субъектом окружающей его действительности.

Итак, с точки зрения развиваемой нами гипотезы чувствительность как зачаточная форма психического отражения возникает в ходе развития простой раздражимости, присущей любому, даже наипростейшему, жизнеспособному телу.

Мы не можем также не отметить и того, что развиваемая нами гипотеза с самого начала отводит всякие попытки подходить к ощущению с точки зрения пресловутого «принципа специфических энергий органов чувств» (И. Мюллер), т. е. с точки зрения метафизически понимаемой зависимости ощущения от строения органов ощущения субъекта. Из нее, скорее, вытекает другой принцип, который можно назвать принципом «развития органов специфических энергий», согласно которому *само развитие и специализация органов чувствительности определяются необходимостью адекватного отражения той предметной действительности, с которой организм вступает во все более и более сложные соотношения.*

Остается ли, однако, в силе также и для высших ступеней развития то положение, что явления чувствительности характеризуют именно такие процессы живых организ-

мов, которые вызываются лишь сигнальными воздействиями, воздействиями, опосредствующими их отношения к другим воздействиям? На самый первый и поверхностный взгляд может показаться, что существуют такие факты, которые противоречат этому положению. Так, например, наше отношение к пище является основным витальным отношением, но вместе с тем мы обладаем многообразной чувствительностью к ней. Конечно, в действительности и этот факт, как и другие многочисленные факты того же рода, ничего не говорит против нашего основного положения. Скорее, наоборот, он подтверждает его. Если хоть на минуту вдуматься в этот факт, то легко понять, что те конкретные свойства питательных веществ, которые вызывают у нас те или иные ощущения – зрительные, тактильные, обонятельные и даже вкусовые, как раз не тождественны с теми ее свойствами, которые делают вещество удовлетворяющим потребность в пище. Мы можем искусственно сообщить эти свойства – признаки, опосредствующие наше отношение к собственно пищевым свойствам данного вещества, какому-нибудь другому, непищевому веществу, и, наоборот, мы можем пищевому веществу сообщить свойства, которые обычно отнюдь не связаны с пищей.

Более пристальный анализ явлений, относящихся к высшим этапам развития, показывает, что воздействия, вызывающие ощущения и в этом случае, – это всегда воздействия, которые ориентируют организм в среде, т. е. опосредствуют

отношения организма к другим, объективно связанным с ними свойствам. Наоборот, в случае отношений, осуществляющихся к таким воздействиям, которые никогда не выполняют функции ориентирования, мы не в состоянии констатировать явлений ощущения, чувствительности. Так, например, мы полностью лишены, как известно, чувствительности непосредственно к кислороду, хотя наличие кислорода в воздухе является для нас первейшим условием жизни. Это понятно. Ведь именно в силу его особо важного значения для поддержания жизни он никогда не в состоянии выполнить функции опосредствования, сигнализации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.